

МЕЖДУ КАНТОМ И ТРЕНДЕЛЕНБУРГОМ: К ВОПРОСУ О ГЕНЕАЛОГИИ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ КУДРЯВЦЕВА-ПЛАТОНОВА

Д. О. Рожин¹

В. Д. Кудрявцев-Платонов — один из виднейших представителей русской духовно-академической философии второй половины XIX в., чья теория познания носит явный отпечаток кантовской теоретической философии. Кудрявцев не только был хорошо знаком с творчеством кёнигсбергского мыслителя, но и предложил критически переосмысленную версию кантовского учения о пространстве, времени и рассудочных категориях. Но был ли русский философ оригинален в своем прочтении и критике Канта? В поздних работах Кудрявцев нередко ссылается на работы Ф. А. Тренделенбурга, взгляды которого оказываются довольно близки русскому философу. Может быть, Кудрявцев читал Канта через оптику Тренделенбурга? Для того чтобы последовательно ответить на этот вопрос, даются общие характеристики теорий познания Тренделенбурга и Кудрявцева, а также производится сопоставление их взглядов с опорой на источники. Далее с привлечением архивного материала раскрывается характер знакомства Кудрявцева с работами Канта и Тренделенбурга. Выясняется, что Кудрявцев уже в ранние годы своей преподавательской деятельности был хорошо знаком с философскими идеями Канта, но не по первоисточникам, а преимущественно по немецким историко-философским изложениям. Устанавливается, что между учениями о пространстве, времени и рассудочных категориях Тренделенбурга и Кудрявцева имеются сходства, так же как и в отношении их критики соответствующего кантовского учения. Наконец, в ранних рукописях Кудрявцева обнаруживаются свидетельства в пользу его знакомства с идеями Тренделенбурга. Сделан вывод о том, что Тренделенбург оказал влияние на разработку собственной теории познания Кудрявцева, и этот факт необходимо учитывать при прочтении гносеологических работ русского философа.

Ключевые слова: Тренделенбург, Кудрявцев-Платонов, Кант, пространство, время, категории, движение, созерцание, бытие, мышление

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236041, Калининград, ул. А. Невского, д. 14. Поступила в редакцию: 08.07.2023 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2023-4-3

BETWEEN KANT AND TRENDELENBURG: ON THE GENEALOGY OF KUDRYAVTSEV- PLATONOV'S THEORY OF COGNITION

D. O. Rozhin¹

Viktor D. Kudryavtsev-Platonov is one of the most prominent representatives of Russian religious-academic philosophy of the second half of the nineteenth century whose theory of cognition bears an imprint of the Kantian theoretical philosophy. Kudryavtsev was not only thoroughly familiar with the Königsberg thinker's work, but offered a critically reinterpreted version of Kant's teaching on space, time and categories of understanding. But was the Russian philosopher original in his reading and critique of Kant? In his later works Kudryavtsev often cites the works of Friedrich Adolf Trendelenburg whose works turn out to be very close to the Russian philosopher. Could it be that Kudryavtsev read Kant through Trendelenburg's optics? To answer this question consistently I give outlines of Trendelenburg's and Kudryavtsev's theories of cognition and compare their views on the basis of the sources. I then draw on archive materials to characterise Kudryavtsev's acquaintance with the works of Kant and Trendelenburg. It turns out that Kudryavtsev was well-versed in Kant's philosophical ideas already in the early years of his teaching activities — but not from primary sources, but largely through German historical-philosophical renderings. I establish similarities between the teachings of Trendelenburg and Kudryavtsev on space, time and the categories of understanding and their critique of the relevant Kantian teaching. Finally, Kudryavtsev's early manuscripts attest to his acquaintance with Trendelenburg's ideas. I conclude that Trendelenburg influenced Kudryavtsev's own theory of cognition, a fact that should be borne in mind when reading the Russian philosopher's epistemological works.

Keywords: Trendelenburg, Kudryavtsev-Platonov, Kant, space, time, categories, motion, intuition, being, thinking

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU). 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia. Received: 08.07.2023.
doi: 10.5922/0207-6918-2023-4-3

Введение

Философские взгляды Виктора Дмитриевича Кудрявцева-Платонова (далее Кудрявцев) с момента их фиксации по сей день получают неоднозначные оценки со стороны исследователей. Одни исследователи называют его идеи оригинальными (Введенский, 1905, с. 60–61; Коновалова, 2010, с. 63). Другие авторы, преимущественно светского направления, отрицают их самобытность и самостоятельность (Цвык, 1995, с. 22).

Нет единого мнения среди исследователей и в вопросе об отношении Кудрявцева к кантовскому трансцендентализму. В. В. Зеньковский, например, утверждал, что под «трансцендентальностью» Кудрявцев понимал не то, что понимал Кант (Зеньковский, 2001, с. 479–480). А. И. Абрамов и М. Л. Кабанова, напротив, считают, что «трансцендентализм» Кудрявцева инспирирован идеями Канта (Абрамов, 1994, с. 93; Кабанова, 2006, с. 14).

Таким образом, исследование гносеологических идей Кудрявцева сталкивается с двумя существенными и обуславливающими друг друга вопросами: степень оригинальности взглядов Кудрявцева и их связь с немецкой трансцендентальной философией. В данной статье будут затронуты оба вопроса, но в более узких рамках — гносеологии Кудрявцева и ее связи с теорией познания Канта.

Дело в том, что русский философ предложил такую гносеологию, которая, с одной стороны, опирается на кантовское метафизическое истолкование априорных форм чувственности и рассудка, а с другой — отвергает их трансцендентальное объяснение. По сути, Кудрявцев разработал собственную версию теории пространства и времени и учения о рассудочных категориях, которая претендует на оригинальность (Рожин, 2021а; 2021б).

Доказательство или опровержение тезиса об оригинальности гносеологических идей Ку-

Introduction

The philosophical views of Victor D. Kudryavtsev-Platonov (elsewhere Kudryavtsev) since their publication to this day have met with conflicting reactions from researchers. Some consider his ideas to be original (Vvedensky, 1905, pp. 60-61; Konovalova, 2010, p. 63). Other authors, mostly of the secular persuasion, deny his originality and independence (Tsvyk, 1995, p. 22). Likewise, there is no consensus on the question of Kudryavtsev's attitude to Kantian transcendentalism. Vasily V. Zenkovsky (2001, pp. 479-480), for example, claimed that Kudryavtsev's "transcendentalism" was not the same thing as Kant's. Aleksandr I. Abramov (1994, p. 93) and Mariya L. Kabanova (2006, p. 14), on the contrary, believe that Kudryavtsev's "transcendentalism" was inspired by Kant's ideas.

Thus, the study of Kudryavtsev's epistemological ideas confronts two important and mutually conditioning questions: the degree of originality of Kudryavtsev's views and their connection with German transcendental philosophy. This article will touch upon both these questions, but from a narrower perspective, viz. Kudryavtsev's epistemology and its links with Kant's theory of cognition.

The point is that the Russian philosopher has proposed an epistemology which, on the one hand, is based on the Kantian metaphysical interpretation of *a priori* forms of sensibility and understanding and, on the other hand, rejects their transcendental explanation. In effect, Kudryavtsev has developed his own version of the theory of space and time and the teaching on the categories of understanding which claims to be original (Rozhin, 2021a; 2021b).

To prove or to refute the originality of Kudryavtsev's epistemological ideas it is necessary to compare them with similar ideas of

Кудрявцева требует их сравнения с наиболее близкими по духу идеями современных Кудрявцеву немецких философов. Таковы взгляды Фридриха Адольфа Тренделенбурга (1802–1872), теория познания которого при ближайшем рассмотрении оказывается довольно близка теории познания Кудрявцева, в связи с чем закономерно возникает вопрос: мог ли Кудрявцев прочитать Канта, опираясь на Тренделенбурга?

Для того чтобы ответить на это вопрос, необходимо сначала дать общие характеристики (1) теории познания Тренделенбурга, которая изложена в одном из его главных сочинений «Логические исследования», и (2) теории познания Кудрявцева, представленной в сочинениях «Метафизический анализ эмпирического познания» (1886), «Пространство и время» (1886–1887) и «Метафизический анализ рационального познания» (1887–1888). Затем следует (3) прояснить характер знакомства Кудрявцева с основными работами Канта критического периода и (4) определить характер знакомства Кудрявцева с теоретико-познавательными идеями Тренделенбурга: (4.1) выяснить, был ли русский философ знаком с ключевыми концепциями Тренделенбурга в области теории познания, а также (4.2) соотнести их основные гносеологические идеи. Для решения задач (3) и (4.1) будут привлечены два рукописных материала Кудрявцева – «Из истории Новой философии (Лекции 1858 г.)» и текст с общим названием: «Аналитика чувственного познания. Аналитика рассудочного познания. Аналитика умственного познания» (курс лекций 1854, 1856, 1874 гг.).

1. Можно ли назвать Тренделенбурга кантианцем?

Для российского читателя Тренделенбург – фигура малоизвестная, при том что его главный труд «Логические исследования» был переведен в 1868 г. на русский язык и пользо-

the German philosophers of his time. Such are the views of Friedrich Adolph Trendelenburg (1802–1872), whose theory of cognition turns out to be rather similar to Kudryavtsev's, which logically suggests the question: could Kudryavtsev have read Kant through Trendelenburg's eyes?

To answer this question it is first necessary to characterise (1) Trendelenburg's theory of cognition spelled out in *Logical investigations*, one of his main works, and (2) Kudryavtsev's theory of cognition presented in *Metaphysical Analysis of Empirical Cognition* (1886), *Space and Time* (1886–1887) and *Metaphysical Analysis of Rational Cognition* (1887–1888). It is then (3) necessary to clarify the character of Kudryavtsev's acquaintance with Kant's main works of the critical period and (4) determine the character of Kudryavtsev's acquaintance with the epistemological ideas of Trendelenburg: (4.1) to find out whether the Russian philosopher was familiar with Trendelenburg's main concepts in the theory of cognition as well as (4.2) correlate their main epistemological ideas. To solve tasks (3) and (4.1) I will draw on two Kudryavtsev manuscripts, "From the History of Modern Philosophy (lectures 1858)" and the text under an umbrella title "Analytics of Sensuous Cognition. Analytics of Rational Cognition. Analytics of Intellectual Cognition" (course of lectures, 1856, 1874).

1. Can Trendelenburg Be Called a Kantian?

For the Russian reader Trendelenburg is a little-known figure in spite of the fact that his main work, *Logical Investigations*, was translated into Russian in 1868 and enjoyed some popularity. In historical-philosophical studies outside Russia, too, his name is known mainly to specialists. As Frederick Beiser (2013, p. 2),

вался некоторой популярностью. В зарубежной историко-философской науке это имя тоже известно в основном только специалистам. Как замечает один из немногих современных исследователей философского наследия Тренделенбурга Ф. К. Байзер, несмотря на большое влияние при жизни, он был забыт после смерти (Beiser, 2013, p. 2).

Примерно с конца XX в. ситуация с исследованием творчества Тренделенбурга несколько изменилась. Так, Байзер упоминает исследования К. Хр. Кёнке, давшие «новый импульс» в изучении Тренделенбурга, и современные работы итальянских специалистов Э. Фугали и М. Гвидотти (Ibid., p. 12–13). В отечественной литературе на Тренделенбурга обратили внимание в различных аспектах Т. Б. Длугач, Н. А. Дмитриева, М. Р. Демин. В 2017 г. произошло значительное событие – М. Р. Демин и Н. А. Дмитриева издали на русском языке одну из главных работ Тренделенбурга «Элементы логики Аристотеля» (Тренделенбург, 2017). Есть и другие отечественные исследования, так или иначе затрагивающие философские взгляды немецкого философа, но они не носят специального характера.

1.1. Основные понятия философии Тренделенбурга

Главным источником для репрезентации основных понятий и концепций теории познания Тренделенбурга выступают «Логические исследования», которые выдержали три издания еще при его жизни и впоследствии внесли вклад в формирование неокантианской программы философии по отношению к науке (Дмитриева, 2007, с. 47). Как отмечает Кёнке, первое издание (1840) несет на себе отпечаток критики философии Гегеля, во втором (1862) Тренделенбург вносит некоторые дополнения без серьезных изменений текста предыдущего издания, а также впервые вводит понятие «теория науки»

one of the few modern students of Trendelenburg's philosophical legacy, put it, although he was very influential in his lifetime, he was forgotten after his death.

From about the end of the twentieth century the situation with regard to the study of Trendelenburg changed somewhat. Thus, Beiser mentions the works of Klaus Christian Köhnke, which gave “a new impetus” to the study of Trendelenburg, and modern works by the Italians, Edoardo Fugali and Matteo Guidotti (*ibid.*, pp. 12-13). In Russia, Trendelenburg drew the attention of Tamara B. Dlugach, Maksim R. Demin and Nina A. Dmitrieva. In 2017 a milestone event saw the publication in Russian of one of Trendelenburg's main works, *Elementa Logices Aristotelicae (Outlines of Logic)* (Trendelenburg, 2017). There are other Russian studies which touch upon the views of the German philosopher, but they are of a more general character.

1.1. The Key Concepts of Trendelenburg's Philosophy

The main source representing the key concepts of Trendelenburg's theory of cognition is *Logical Investigations*, which saw three editions during his lifetime and subsequently contributed to the formulation of a Neo-Kantian programme of philosophy with regard to science (Dmitrieva, p. 47). According to Köhnke (1991, p. 22), the first edition of 1840 bears an imprint of critique of the philosophy of Hegel, in the second of 1862 Trendelenburg introduces some additions without serious changes in the text of the previous edition and introduces a new concept “the theory of science”. Finally, the third edition of 1870, as Trendelenburg himself attests, is based on the second one, being its enlarged version (Trendelenburg, 1870,

(Köhnke, 1991, p. 22). Наконец, третье издание (1870), по свидетельству самого Тренделенбурга, базируется на втором, будучи его расширенной версией (Trendelenburg, 1870, S. XI). На русский язык эта работа была переведена Е. Коршем по второму изданию (Тренделенбург, 1868а; 1868б). Забегая вперед, отмечу, что Кудрявцев пользовался изданием 1840 г., о чем свидетельствуют ссылки в его рукописях и статьях (Кудрявцев-Платонов, 1905, с. 201; 1914а, с. 47, 63; 1914г, с. 110, 142, 150, 170; 1854–1874, л. 21, 26, 35), что не исключает его знакомства с русским переводом второго издания, имевшимся в библиотеке Московской духовной академии, где в то же время отсутствовал его немецкий оригинал (Систематический каталог..., 1890, с. 109).

Главный философский вопрос, интересовавший Тренделенбурга, — вопрос о соотношении бытия и мышления. Для ответа на него Тренделенбург опирается на наследие Аристотеля. Последний, прочитанный как «метафизический реалист», предоставлял основание для реабилитации утраченного единства мышления и бытия (Демин, 2017, с. 62–63, 65). Волновал Тренделенбурга и сам статус внешнего объективного мира², или, по выражению Т. Б. Длугач, доказательство независимости бытия от мышления (Длугач, 2002, с. 139). Поэтому, признавая между ними соответствие, Тренделенбург отказывался от их полного отождествления (Там же, с. 154).

Как уже было отмечено, Тренделенбург стремится сделать философию «теорией науки», полагая, что именно философия зиждется на эмпирических науках, а не наоборот (Beiser, 2013, p. 28). Это довольно важная интенция, определяющая направленность всей его философской программы и объясняющая, почему он не смог

² Тренделенбурга, как и Канта, интересовал вопрос, что собой представляют предметы, свойства которых составляют фундамент научного знания как такового. Кант, по мнению Длугач, отказался отвечать положительно на вопрос о бытии как предпосылке знания (Длугач, 2022, с. 47). Тренделенбург, как было указано, решил пойти путем признания автономии бытия.

p. XI). The Russian translation was made from the second edition by Evgeni Korsh in 1862. Running ahead, I would like to note that Kudryavtsev used the 1840 edition, as witnessed by the footnotes in his manuscripts and articles (Kudryavtsev-Platonov, 1905, p. 201; 1914a, p. 47, 63; 1914c, p. 110, 142, 150, 170; 1854–1874, fol. 21, 26, 35), which does not rule out his being acquainted with the Russian translation of the second edition which was available at the Moscow Theological Academy where the German original was absent (Troitsky, 1890, p. 109).

The main philosophical question that engaged Trendelenburg's mind was the question of the relation between being and thought. To answer this question Trendelenburg proceeds from Aristotle. The latter, read as a "metaphysical realist", provided grounds for rehabilitation of the lost unity between thought and being (Demin, 2017, pp. 62-63, 65). He was also exercised by the question of the status of the external objective world,² or, as Dlugach (2002, p. 139) put it, the proof of the independence of being from thought. Thus, while admitting the correspondence between them, Trendelenburg refused to fully equate them (*ibid.*, p.154).

As noted above, Trendelenburg sought to make philosophy a "theory of science", believing that it was philosophy that was based on empirical sciences and not *vice versa* (Beiser, 2013, p. 28). This is a very important intent which shows the direction of his entire philosophical programme and explains why he could not become a consistent Kantian. The contradistinction between thought and be-

² Trendelenburg, like Kant, was interested in what the objects were whose properties form the foundation of scientific knowledge as such. Kant, according to Dlugach (2022, p. 47), refused to give an affirmative answer to the question of being as the prerequisite of knowledge. Trendelenburg, as pointed out above, chose to follow the path of recognising the autonomy of being.

стать последовательным кантианцем. Само противопоставление мышления и бытия еще со времен Декарта рождало известную проблему «сознание — тело», которая решалась в основном двумя способами. Первый состоит в снятии противоречия через выведение бытия из мышления как первоначала или наоборот, в результате чего мы получаем либо материализм, либо идеализм. Главное достоинство этого способа — преодоление субстанциального дуализма и переход к монистической онтологии. Основное затруднение заключается, однако, в нерелевантности данных человеческого опыта последовательно развитым и законченным материализму и идеализму по отдельности.

Второй способ стремится обосновать взаимодействие мышления и бытия через их единство в опосредующем элементе, сохраняя при этом онтологический статус каждого. Тренделенбург, признававший особый статус как бытия, так и мышления, относится к той группе философов, которые решали проблему «сознание — тело» вторым способом, но при этом он видел свою задачу в обосновании аподиктического характера эмпирического знания. Иными словами, человеческое познание должно быть адекватным автономному бытию, то есть должно быть знанием о вещах в себе, а не представлять собой только вещи для нас. Поэтому он начинает поиски первоначала, присущего как бытию, так и мышлению, и находит его в категории движения (Тренделенбург, 1868б, с. 523–525).

Движение — это главное понятие всей теории познания Тренделенбурга, представляющее собой гарант соответствия мышления и бытия, посредством которого он преодолевает кантовскую пропасть между объективным и субъективным. Длугач обращает внимание на то, что для Тренделенбурга движение — это субстанция, существующая в субъективной и объективной формах. Субъективная форма движения, обнаруживаемая в мышлении, имеет априорный характер, объективная же форма выражена в наличествующем бытии и обна-

ing itself gave rise since the time of Descartes to the notorious “consciousness-body” problem which was solved in two main ways. The first removes the contradiction by withdrawing being from thought as the first principle or *vice versa*, as a result of which we get either materialism or idealism. The main merit of this method is the overcoming of substantive dualism and the transition to monistic ontology. The main difficulty is, however, the irrelevance of the data of human experience for consistently developed and complete materialism and idealism taken separately.

The second method sought to ground the interaction between thought and being by uniting them in the mediating element while preserving the ontological status of both. Trendelenburg, who recognised the special status of both being and thought, is one of those philosophers who solved the “mind—body” problem in the second way, but he saw his task in explaining the apodictic character of empirical knowledge. In other words, human cognition must be adequate to autonomous being, i.e. it should be knowledge about things in themselves and not just represent things for us. That is why he starts looking for the first principle inherent in being as well as in thought, to find it in the category of motion (Trendelenburg, 1862b, pp. 490-491).

Motion is the key concept of Trendelenburg’s entire theory of cognition, which guarantees the correspondence of thought and being, whereby he overcomes the Kantian gap between the objective and the subjective. Dlugach draws attention to the fact that for Trendelenburg motion is substance that exists in subjective and objective forms. The subjective form of motion, revealed in thought, has an *a priori* character, while the objective form is expressed in being and is revealed in thought *a posteriori*. The combination of the two forms,

руживается в мышлении в виде апостериорного. Сочетание двух указанных форм, согласно Тренделенбургу, дает опытное знание (Длугач, 2002, с. 145–149, 167). Байзер отмечает, что концепция движения Тренделенбурга, охватывающая и внешний, и внутренний мир человека, возникает из идей Аристотеля и Канта: первый «показал ему примат движения во внешнем мире», второй «показал ему его примат» во внутреннем (Beiser, 2013, p. 40). Но как апостериорные элементы внешнего мира проникают в мышление?

Тренделенбург предлагает второе ключевое понятие — созерцание. Именно посредством созерцания предмет вводится в мышление. Само созерцание является одним из источников противоречия в мышлении, что объясняет мышление как содержательный и развивающийся процесс (Демин, 2017, с. 62–63, 68). При этом мышление и созерцание, согласно Тренделенбургу, неразрывно связаны: «Человеческое мышление живет созерцанием и умирает с голоду, когда вынуждено питаться собственной утробой» (Тренделенбург, 1868а, с. 110).

Определившись с основной тональностью философской мысли Тренделенбурга и с ключевыми концептами его системы, можно перейти к репрезентации его взглядов на пространство и время.

1.2. Концепция пространства и времени Тренделенбурга

Изложение теории пространства и времени в «Логических исследованиях» состоит из двух частей — критической и позитивной. Первая представляет собой реконструкцию взглядов на пространство и время Канта и контраргументы Тренделенбурга (Там же, с. 143–144). Я подробнее остановлюсь на контраргументах.

Кант, как известно, пришел к выводу о том, что пространство и время суть чистые созерцания и априорные формы чувственного по-

Trendelenburg argues, yields experiential knowledge (Dlugach, 2002, pp. 145-149, 167). Beiser (2013, p. 40) notes that Trendelenburg's concept of motion, embracing the human being's external and internal world, arises from the ideas of Aristotle and Kant: the former having shown "the primacy of motion in the outer world" and the latter "its primacy in the inner world". But how do *a posteriori* elements of the external world find their way into thinking?

Trendelenburg offers the second key notion, intuition. The object is introduced into thought by intuition. Intuition itself is a source of contradiction in thinking, which explains thinking as a substantive and developing process (cf. Demin, 2017, pp. 62-63, 68). Thought and intuition, according to Trendelenburg (1862a, p. 109), are inseparably interconnected: "Human thinking lives by intuition and starves when it has to feed on its own innards."³

Having determined the tonality of Trendelenburg's philosophical thought and the key concepts of his system, we can pass on to examining his views on space and time.

1.2. Trendelenburg's Concept of Space and Time

The presentation of the theory of space and time in *Logical Investigations* consists of two parts, the critical and the positive. The first is the reconstruction of Kant's views on space and time and Trendelenburg's counter-arguments (*ibid.*, pp. 155-157). I will dwell on these arguments in more detail.

Kant, of course, came to the conclusion that space and time are pure intuitions and *a priori* forms of sensible cognition which have only a subjective character (B 66; Kant, 1998, p. 171).

³ "Das menschliche Denken lebt von der Anschauung, und es stirbt, wenn es von seinen eigenen Eingeweiden leben soll, den Hungertod."

знания, которые имеют только субъективный характер (В 66; Кант, 2006, с. 127). Тренделенбург не соглашается с таким выводом Канта, так как «тогда все мирозерцание улетучивается в явление, а от явления до призрака один шаг» (Тренделенбург, 1868а, с. 145). Иными словами, вывод Канта, по мнению Тренделенбурга, ставит под сомнение достоверность эмпирических наук. Против аргумента Канта о возможности чистой математики в пользу субъективности пространства и времени (В 55–56, 64; Кант, 2006, с. 115–117, 125) Тренделенбург замечает, что в таком случае мы будем неспособны объяснить практические результаты прикладной математики. Другое возражение Тренделенбурга связано с отсутствием каких-либо объяснений со стороны Канта по поводу того, как время, определяемое как внутренняя форма чувства, может являться в вещах (Тренделенбург, 1868а, с. 147–148). Наконец, третье возражение состоит в том, что «Кант нигде не показал, каким образом уже имеющиеся в нас формы пространства и времени сливаются воедино и порождают движение» (Там же, с. 153; перевод уточнен. — Д. Р.).

Тренделенбург не видит возможным объяснить природу движения средствами кантовской теории пространства и времени. Высказывая критические замечания, Тренделенбург в то же время ни в коем случае не выступает против субъективности и априорности пространства и времени как форм познания, у Канта его смущает словосочетание «только субъективные»: «Что оба они только субъективны, это исключаящее “только” не основано ровно ни на чем... Но что мешает им быть вместе и чем-то объективным?» (Там же, с. 151).

В современных историко-философских исследованиях представленная выше критика Тренделенбургом Канта получила название «пробел Тренделенбурга»³ (Trendelenburgsche

³ Тренделенбург полагал, что нашел в кантовском изложении основных принципов познания пробелы, которые делают теорию Кёнигсбергского философа уязвимой и нуждаются в восполнении (см.: Тренделенбург, 1868а, с. 154).

Trendelenburg (1862a, p. 158). disagrees with this Kantian thesis because “then the entire worldview vanishes into the phenomenon, and it is only one step from phenomenon to phantom”.⁴ In other words, according to Trendelenburg, Kant’s conclusion calls into question the veracity of empirical sciences. To counter Kant’s argument about the possibility of pure mathematics in favour of the subjectivity of space and time (В 55-56, 64; Kant, 1998, p. 166, 170) Trendelenburg argues that in that case we would be unable to explain the practical results of applied mathematics. Trendelenburg’s other objection is that Kant does not have any explanation as to how time, defined as the inner form of feeling, can be represented in things (Trendelenburg, 1862a, pp. 160-161). Finally, the third objection is that “Kant has not explained anywhere how the forms of space and time, which are lying ready within us, merge and produce motion”⁵ (*ibid.*, p. 166).

Trendelenburg does not see how nature can be explained by means of the Kantian theory of space and time. In making his critical remarks, Trendelenburg, however, does not challenge the subjective and *a priori* character of space and time as forms of cognition, he is confused only by the expression “only subjective”: “That both are only subjective, the excluding ‘only’ is not based on anything [...]. But what prevents them from being at the same time something objective?”⁶ (*ibid.*, p. 162).

In modern historical-philosophical research the above critique of Kant by Trendelenburg

⁴ “[...] so verflüchtigt sich damit die ganze Weltansicht in Erscheinung, und Erscheinung ist vom Scheine nicht weit entfernt.”

⁵ “Kant hat nirgends nachgewiesen, wie die in uns bereit liegenden Formen des Raumes und der Zeit zusammengehen und die Bewegung hervorbringen”.

⁶ “Dass Raum und Zeit etwas nur Subjektives seien, dies ausschliessende ‘nur’ ist nicht begründet [...]. Was verhindert sie aber zugleich etwas Objektives zu sein?”

Lücke) и «отклоненная альтернатива» (neglected alternative) (Соболева, 2017, с. 92). Эта критика не только содержалась в «Логических исследованиях», но нашла продолжение в знаменитом споре между Тренделенбургом и Куно Фишером о правильном понимании кантовской трансцендентальной эстетики (см. подробнее: Демин, 2010), что, по мнению Байзера, послужило главным катализатором неокантианского движения в 1860–1870-х гг. (Beiser, 2013, p. 107). Спор приобрел широкий резонанс, в нем принимали участие не только Тренделенбург и Фишер, но даже их ученики (см.: Белов, Тетюев, 2017, с. 97). Примечательно, что Х. Файхингер после окончания дискуссии насчитал около пятидесяти книг, брошюр и статей, посвященных этому спору (Beiser, 2013, p. 107).

Рассматривал ли сам Кант проблему, которую Тренделенбург назвал отклоненной альтернативой? В «Трансцендентальной эстетике» он уделил внимание только применению пространства и времени к эмпирическим объектам и отдельно применению их к нουменам, но не проанализировал тот случай, когда пространство и время могут быть применены сразу по отношению и к феноменам, и к нουменам. Отсюда отклоненную альтернативу еще называют третьей альтернативой (для краткости ее обозначают «3А»). Г. Бёрд считает, что Кант рассматривал пространство и время в отношении нουменального мира и, соответственно, отклонил третью альтернативу (Bird, 2006, p. 487). Э. Кантериан не соглашается с данной позицией, полагая, что Кант пренебрегает третьей альтернативой, так как не провел различие между происхождением идеи и сферой ее применения (Kanterian, 2013, p. 267–268), но рассматривал он ее или нет, исследователь ясный ответ не дает: «Кант либо пропустил, либо допустил ложность третьей альтернативы» (Ibid., p. 269).

«Отклоненная альтернатива» Тренделенбурга, основанная на его возражениях, выска-

is known as “Trendelenburg’s gap”⁷ (*Trendelenburgsche Lücke*) and the “neglected alternative” (Soboleva, 2017, p. 92). This critique was presented in *Logical Investigations* and was followed up in the famous Trendelenburg-Fischer debate on the correct interpretation of Kant’s transcendental aesthetics (for more detail see Demin, 2010), which in Beiser’s opinion (2013, p. 107) was the main catalyst of the Neo-Kantian movement in the 1860s–1870s. The argument gained wide resonance, involving not only Trendelenburg and Fischer but also their disciples (see Belov and Tetyuev, 2017, p. 97). It is notable that in the wake of the debate Hans Vaihinger counted about fifty books, pamphlets and articles devoted to it (Beiser, 2013, p. 107).

Did Kant himself address the problem Trendelenburg called the “neglected alternative?” In *The Transcendental Aesthetic* he paid attention only to the application of space and time to empirical objects and separately to their application to noumena, but he did not analyse the case when space and time can be applied simultaneously to phenomena and noumena. Hence the neglected alternative is also called “the third alternative” (3A for short). Graham Bird (2006, p. 487) believes that Kant considered space and time in relation to the noumenal world and accordingly rejected the third alternative. Edward Kanterian (2013, pp. 267–268) disagrees with this position believing that Kant neglects the third alternative because he draws no distinction between the origin of the idea and the sphere of its application, but he does not give a clear answer as to whether “Kant has indeed ignored, or assumed the falsity of, 3A” (*ibid.*, p. 269).

Trendelenburg’s “neglected alternative”, based on his objections voiced already in *Log-*

⁷ Trendelenburg (1862a, p. 166) believed he had found in Kant’s exposition of the main principles of cognition some gaps which make his theory vulnerable and need to be filled.

занных еще в «Логических исследованиях», уточнялась в полемике с Фишером. В частности, Тренделенбург видел в кантовской теории пространства и времени две слабости (далее речь будет идти только о пространстве): релятивизм пространства (что будет с геометрией у существ с чувственной организацией, отличной от нашей?) и его случайный характер (что будет с геометрией, если наша чувственная организация изменится так, что мы перестанем воспринимать евклидово пространство?). То и другое как по отдельности, так и в совокупности подрывает необходимость и универсальность геометрии.

Лучше понять суть отклоненной альтернативы позволяет репрезентация кантовской теории пространства и времени в статье Тренделенбурга «О пробеле в доказательстве Кантом исключительной субъективности пространства и времени»:

1. Пространство необходимо и универсально.
2. Если пространство необходимо и универсально, то оно априорно.
3. Если пространство априорно, то оно субъективно.
4. Если пространство субъективно, то оно и не объективно.
5. Итак, пространство субъективно, а не объективно (Trendelenburg, 1867, S. 228).

Конечно, у Канта учения о пространстве в таких формулировках мы не обнаружим. Тем не менее Тренделенбург именно в четвертом пункте усматривает необоснованное со стороны Канта пренебрежение альтернативной возможностью признать не только пространство и время как субъективные формы чувственности, но и их принадлежность вещам в себе. Как замечает А. Шпехт, Тренделенбург по-своему понимал «объективное» и «субъективное», причем в двух аспектах — приложимости (applicability) и происхождения. В отношении первого аспекта Шпехт предлагает такое объяснение позиции Тренделенбурга: если некая структура приложима к зависимым от

ical Investigations, was honed in the polemic with Fischer. For instance, Trendelenburg saw two weaknesses in Kant's theory of space and time (elsewhere I will talk only about space): the relativism of space (what would happen to geometry if it were practiced by creatures with an organisation of senses different from ours?) and its accidental character (what would happen to geometry if our sensual organisation changed in such a way that we would cease to perceive Euclidian space?). Both the former and the latter, separately and together, undermine the necessity and universality of geometry.

The essence of the neglected alternative is clarified in Trendelenburg's rendering of Kant's theory of space and time in his article "*Ueber eine Lücke in Kants Beweis von der ausschliessenden Subjectivität des Raumes und der Zeit*" ("On the Gap in Kant's Proof of Exclusive Subjectivity of Space and Time"):

1. Space is necessary and universal.
2. If space is necessary and universal, then it is *a priori*.
3. If space is *a priori* it is subjective.
4. If space is subjective it is not objective.
5. Hence space is subjective and not objective (Trendelenburg, 1867, p. 228).

Of course, we will not find such formulations in Kant's teaching on space. Nevertheless, Trendelenburg claims that in the fourth item Kant groundlessly neglects the alternative of recognising not only space and time as subjective forms of sensibility, but their belonging to things in themselves. As noted by Andrew Specht, Trendelenburg had his own interpretation of the "objective" and "subjective" in two aspects, applicability and origin. Concerning the first aspect, Specht offers the following explanation of Trendelenburg's position: if a structure is applicable to mind-dependent entities, it is subjective, and if to mind-independent entities, it is objective. As for origin, if a

разума (mind-dependent) сущностям, то она субъективна, если к независимым от разума (mind-independent) сущностям, то объективна. Что касается происхождения, если структура возникает в конечном разуме, она субъективна, если она возникает вне конечного разума, то она объективна. Но Кант в таком случае исключает возможность объективного пространства в двух указанных смыслах «объективного» у Тренделенбурга, так как в одном случае речь идет о приложимости формы пространства к вещам в себе, а в другом прямо говорится о происхождении «объективного» пространства независимо от человеческого разума (Specht, 2014, p. 526–527). В этой статье, как и в «Логических исследованиях», Тренделенбург указывает на два вида пространства — субъективное (форма чувственного познания) и объективное (свойство вещей в себе). Но Фишер, по замечанию Шпехта, считает, что теория пространства Тренделенбурга ведет к выводу о существовании только одного реального пространства, независимого от разума, а в разуме возникает его копия, которая зависит от реального. Тренделенбург возразил такой трактовке собственной теории пространства и заметил, что субъективное восприятие пространства есть не *Abbild* или *Nachbild* (копия или остаточное изображение), а *Gegenbild* (противообраз, или зеркальное отражение) объективного пространства. В этом смысле Тренделенбург рассматривает пространство как обозначение понятия, так как оно не относится непосредственно к конкретной структуре, а скорее ее описывает (Ibid., p. 531). Кант, как известно, во втором издании «Критики чистого разума» ясно указал, что пространство — условие возможности вещей, а не зависящее от них определение, поэтому оно есть чистое созерцание, а не общее понятие (B 38–39; Кант, 2006, с. 95).

Как бы то ни было, Тренделенбург стремится не тотально опровергнуть Канта, но восполнить существующие на его взгляд пробелы в кантовской теории пространства и времени.

structure arises inside the finite mind it is subjective, and if it arises outside the finite mind it is objective. But Kant in this case rules out the possibility of objective space in Trendelenburg's two meanings of the "objective" since in one case it is about the applicability of the form of space to things in themselves, and in the other case "objective" space originates independently of the human mind (Specht, 2014, pp. 526-527). In this article, as in *Logical Investigations*, Trendelenburg speaks about two kinds of space, the subjective (sensible cognition) and the objective (property of things in themselves). But Fischer, as Specht notes, believes that Trendelenburg's theory of space leads to the inference that only one real space exists independently from mind, and mind produces its copy which depends on the real. Trendelenburg objected to this treatment of his theory of space and argued that subjective perception of space is not *Abbild* or *Nachbild* (copy or residual image), but *Gegenbild* (counter image or mirror reflection) of the objective space. In that sense Trendelenburg considers space to be a definition of a concept because it does not directly pertain to a concrete structure, but rather describes it (*ibid.*, p. 531). Kant, of course, clearly stated in the second edition of the *Critique of Pure Reason* that space is the condition of the possibility of things and not a definition that depends on them, which is why it is pure intuition and not a general concept (B 38-39, Kant, 1998, pp. 157-158).

Be that as it may, Trendelenburg seeks not to refute Kant across the board, but to fill what he considers to be gaps in Kant's theory of space and time. So, from the moment Trendelenburg started work on *Logical Investigations* his task was to ground, in addition to the subjective character, also the objective character of space and time. It is to explain the dual status of space and time that he turns to the category

Поэтому задача Тренделенбурга с самого начала работы над «Логическими исследованиями» состояла в том, чтобы обосновать, помимо субъективного характера, объективный характер пространства и времени. Для объяснения двойного статуса пространства и времени он как раз обращается к категории движения, которое одинаково принадлежит как объективному внешнему миру, так и субъективному внутреннему миру (Тренделенбург, 1868а, с. 153–154). Наконец, важно прояснить вопрос, в чем Тренделенбург согласен с Кантом.

Сопоставление теорий пространства и времени обоих мыслителей показывает следующие сходства: 1) пространство и время — созерцания и формы чувственного познания; 2) эти формы имеют априорный в кантовском смысле характер, то есть сами не обусловлены опытом и одновременно выступают условиями для опыта (В 38–39, 42, 46, 49; Кант, 2006, с. 95, 99, 105, 109; Тренделенбург, 1868а, с. 154–156). Вместе с тем Тренделенбург модифицирует учение Канта о пространстве и времени в соответствии с актуальной для его времени установкой на обоснование научного знания, с одной стороны, принимая точку зрения Канта на субъективность пространства и времени, с другой — дополняя ее аргументами в пользу их объективного характера.

1.3. Учение Тренделенбурга о категориях рассудка

Наше познание, согласно Канту, не исчерпывается только чувственными созерцаниями, но необходимо включает в себя и рассудочные понятия, с которыми созерцания должны быть связаны (В 75–76, 165; Кант, 2006, с. 137–139, 241–243). Поэтому Тренделенбург в своей теории познания вслед за Кантом обращается к рассудочному познанию, где ключевую роль играют чистые понятия, или категории.

Тренделенбург здесь вновь начинает с критики Канта. По его мнению, кантовское уче-

of motion, which belongs equally to the objective external world and to the subjective internal world (Trendelenburg, 1862a, pp. 166-167). Finally, it is important to clarify where Trendelenburg is in agreement with Kant.

A comparison of the two thinkers' theories of space and time reveals the following similarities: 1) space and time are intuitions and forms of sensible cognition; 2) these forms have an *a priori* character in the Kantian sense, i.e. they are not conditioned by experience and at the same time are conditions of experience (В 38-39, 42, 46, 49; Kant, 1998, p. 157-158, 159, 162, 163; Trendelenburg, 1862a, pp. 166-168). At the same time, Trendelenburg modifies Kant's teaching on space and time in accordance with the bidding of his time to ground scientific knowledge; on the one hand he accepts Kant's view of the subjectivity of space and time and, on the other hand, he complements it with arguments in favour of their objective character.

1.3. Trendelenburg's Doctrine of the Categories of Understanding

According to Kant, our cognition is not confined to sensible intuitions, but of necessity includes the concepts of understanding with which intuitions must be linked (В 75-76, 165; Kant, 1998, pp. 193-194, 263-264). Therefore Trendelenburg in his theory of cognition, following Kant, turns to rational cognition in which pure concepts, or categories, play the key role.

Here Trendelenburg again begins with the criticism of Kant. In his opinion, Kant's "doctrine of categories repeats the mistake that crept into the view of space and time"⁸ (Trendelenburg, 1862a, p. 327), i.e. according to Kant,

⁸ Cf. "[...] so setzt diese Auffassung der Kategorien den in der Ansicht von Raum und Zeit begonnenen Irrthum weiter fort [...]".

ние о категориях «продолжает погрешность, зародившуюся во взгляде на пространство и время», то есть, согласно Канту, формы рассудочного познания тоже имеют *только субъективный* характер (Тренделенбург, 1868а, с. 305). Логика обоснования Тренделенбургом объективного характера рассудочных категорий такая же, как и в случае пространства и времени. Соответственно, движение порождает не только пространство и время, но и рассудочные категории: «Царство движения есть вместе и царство этих категорий и притом — что всегда останется существеннейшей стороной вывода — столько же в мире бытия, сколько и в силе мышления» (Там же, с. 348).

Не обходит стороной Тренделенбург один из ключевых разделов «Критики чистого разума», посвященный трансцендентальной дедукции категорий. Он критикует кантовский подход, утверждая, что Кант не смог связать объективное единство самосознания с субъективным, или трансцендентальным, единством самосознания (Там же, с. 333). Тренделенбург не понимает, как Кант вывел 12 форм суждений и, соответственно, чистые рассудочные категории из единства самосознания: «От источника единства в самосознании к способам или видам единения в категориях перехода нет; приходится перепрыгнуть бездну» (Там же, с. 349). Также Тренделенбург оспаривает тот способ, который предложил Кант для приложения понятий к созерцаниям, а именно схематизм чистых понятий (Там же, с. 350—351).

Итак, основные возражения Тренделенбурга против учения Канта о рассудочных категориях можно представить в следующем виде: а) категории не являются видами «синтетического единения самосознательности»; б) категории имеют не только субъективный, но и объективный характер; в) Тренделенбург выступает против схематизма чистого рассудка; г) Кант, по мнению Тренделенбурга, не указал первоначало для категорий и для созерцаний. Все указанные возражения, согласно Тренделен-

the forms of rational cognition have *only the subjective* character. In grounding the objective character of categories of understanding Trendelenburg follows the same logic as in the case of space and time. Thus, motion generates not only space and time, but also categories of understanding: “The kingdom of motion is at the same time the kingdom of these categories and — whatever remains as the most essential aspect of the inference — as much in the world of being as in the power of thought”⁹ (*ibid.*, p. 368).

Trendelenburg also pays attention to one of the key sections of the *Critique of Pure Reason*, the one devoted to the transcendental deduction of categories. He challenges Kant’s approach, claiming that Kant failed to link the objective unity of self-consciousness with the subjective, or transcendental, unity of self-consciousness (*ibid.*, pp. 352-354). Trendelenburg does not understand how Kant deduced the 12 forms of judgments and, accordingly, categories of understanding from the unity of self-consciousness: “Between the source of unity of self-consciousness and the types of unity in the categories one has to leap across an abyss”¹⁰ (*ibid.*, pp. 368-369). Trendelenburg also challenges the method Kant proposed for applying concepts to intuitions, namely, the schematism of pure concepts (*ibid.*, pp. 369-370).

Thus, the main objections Trendelenburg has to Kant’s teaching on the categories of understanding are as follows: a) categories are not types of “synthetic unity of self-consciousness”¹¹; b) categories have not only a subjective but also an objective character; c) Trendelen-

⁹ “Das Reich der Bewegung ist zugleich das Reich dieser Kategorien und zwar, was immer die wesentlichste Seite der Ableitung bleibt, ebenso sehr in der Welt des Seins als in der Macht des Denkens.”

¹⁰ “Von der Quelle der Einheit im Selbstbewusstsein zu den Arten der Einigung in den Kategorien ist ein Sprung über eine Kluft.”

¹¹ “[...] der synthetischen Einheit des Selbstbewusstseins [...]”.

бургу, снимаются только тогда, когда в основание всех априорных форм познания полагается «зихдительное движение» (Там же, с. 352).

Поскольку движение порождает, согласно Тренделенбургу, формы пространства и времени и рассудочные категории, а также бытие и мышление, то первые являются не только формами познания, как полагал Кант, но и формами бытия внешних объектов. В этом случае возникает вопрос: какова разница между пространством, временем и категориями рассудка как априорными формами познания, с одной стороны, и как формами насущного бытия — с другой?

Формы познания для Тренделенбурга носят всеобщий характер, по сути априорный, а формы бытия — единичный; иными словами, формы мышления идеальны, а формы бытия индивидуальны (Тренделенбург, 1868б, с. 527). Подобная трактовка пространства, времени и рассудочных категорий позволяет ему, во-первых, сохранить возможность достоверного познания (одна из главных интенций его философского проекта), а во-вторых, избежать тождества мысли и бытия (признаки полемики с Гегелем). Отсюда следует, что, с одной стороны, мы не можем познать действительность такой, какая она есть, на все 100%, так как формы мышления соответствуют формам бытия, но не идентичны им, с другой — именно указанное соответствие Тренделенбург кладет в основание аподиктического характера нашего познания.

В контексте предстоящего сравнения взглядов Тренделенбурга и Кудрявцева важной частью «Логических исследований» являются размышления Тренделенбурга о безусловном, которое «философская абстракция зовет абсолютным, а более живая вера прямо Богом» (Там же, с. 450). Здесь примечательно то, что посредством идеи о Боге, которая лежит в основании бытия и мышления, всегда ищется единство реального и идеального (Там же, с. 499).

burg is against the schematic character of pure understanding; d) Kant fails to identify the first principle of categories and intuitions. All the above objections, Trendelenburg argues, can only be withdrawn if “creative motion”¹² is put at the foundation of all *a priori* forms of cognition (*ibid.*, pp. 370-371).

Because, according to Trendelenburg, motion generates the forms of space and time and categories of understanding, as well as being and thought, the former are not only forms of cognition, as Kant believed, but also forms of the being of external objects. Then the question suggests itself, what is the difference between space, time and the categories of understanding as *a priori* forms of cognition, on the one hand, and the forms of day-to-day being on the other?

For Trendelenburg (1862b, p. 493) the forms of cognition have a universal, essentially *a priori* character, and forms of being are singular; in other words, forms of thought are ideal, and forms of being are individual. Such treatment of space, time and the categories of understanding enable him, first, to preserve the possibility of authentic cognition (one of the key goals of his philosophical project) and second, to avoid identity of thought and being (signs of polemic with Hegel). It follows that, on the one hand, we cannot know reality as it is 100%, as the forms of thought correspond to forms of being but are not identical to them and, on the other hand, Trendelenburg puts the above-mentioned correspondence at the basis of the apodictic character of our cognition.

In the light of the following comparison of the views of Trendelenburg and Kudryavtsev an important part of Trendelenburg’s *Logical Investigations* is reflections on the unconditional, which “philosophical abstraction calls the absolute and the livelier faith simply God”¹³

¹² “[...] der konstruktiven Bewegung [...]”.

¹³ “[...] die philosophische Abstraktion das Absolute, der lebendigere Glaube nennt es Gott.”

Тренделенбург указывает, что рассматриваемые каждый сам по себе реализм и идеализм ведут к отрицанию безусловного и, как следствие, к отрицанию божественной воли в мире (Там же, с. 521).

В результате анализа текста «Логических исследований» обнаруживается довольно серьезная разница между теоретико-познавательными взглядами Канта и Тренделенбурга. Хотя последний явно опирался на идеи «Критики чистого разума», назвать его кантианцем в строгом смысле слова нельзя.

2. Теория познания

В. Д. Кудрявцева-Платонова

Теория познания Кудрявцева⁴ входит в состав онтологии и является предваряющей частью предложенной им метафизической системы. Все учение о познании у Кудрявцева делится в соответствии с тремя видами познания: эмпирическим (= чувственным), рассудочным и умственным (= идеальным). Интересующие нас концепции представлены в следующих работах Кудрявцева: «Метафизический анализ эмпирического познания», «Пространство и время» и «Метафизический анализ рационального познания».

Под эмпирическим познанием Кудрявцев понимает познание посредством внешних чувств непосредственно (Кудрявцев-Платонов, 1914б, с. 68–71). В данном виде познания он выделяет субъективный и объективный элементы: первый принадлежит познающему субъекту, второй привносится в его сознание извне (Там же, с. 83). Предметы внешнего мира становятся через внешние чувства до-

⁴ Кудрявцев был учеником и продолжателем взглядов профессора кафедры логики и метафизики Московской духовной академии Ф. А. Голубинского (1797–1854). Примечательно, что гносеологические установки Голубинского и Кудрявцева во многом совпадают, в работах этих философов также обнаруживается много параллелей в отношении рецепции и критики теоретических идей Канта (см.: Рожин, 2021в).

(*ibid.*, p. 425). What needs to be stressed is that the idea of God, which underlies being and thought, always seeks unity of the real and the ideal (*ibid.*, pp. 468-469). Trendelenburg points out that realism and idealism considered by themselves lead to the negation of the unconditional and as a consequence to the negation of the divine will in the world (*ibid.*, p. 488).

An analysis of the text of *Logical Investigations* reveals a serious difference between the theoretical-epistemological views of Kant and Trendelenburg. Although the latter clearly proceeded from the ideas of the *Critique of Pure Reason*, he cannot be called a Kantian in the strict sense of the word.

2. Theory of Cognition According to Kudryavtsev-Platonov

Kudryavtsev's theory of cognition¹⁴ is part of ontology and an introductory part of his metaphysical system. His theory of cognition is divided in accordance with three types of cognition: empirical (= sensible), related to the understanding and related to reason (= ideal). These conceptions are spelled out in the following works by Kudryavtsev: *Metaphysical Analysis of Empirical Cognition, Space and Time* and *Metaphysical Analysis of Rational Cognition*.

By empirical cognition Kudryavtsev means cognition directly through external senses (Kudryavtsev-Platonov, 1914b, pp. 68-71). Within this type of cognition he singles out the subjective and objective elements, the former belonging to the cognising subject and the latter introduced into his consciousness from

¹⁴ Kudryavtsev was a pupil and follower of the views of Fyodor A. Golubinsky (1797–1854), Professor of Logic and Metaphysics at the Moscow Theological Academy. It is noteworthy that the epistemic ideas of Golubinsky and Kudryavtsev have many similarities and their works reveal many parallels in the reception and critique of Kant's theoretical ideas (see Rozhin, 2021c).

стоянием познающего субъекта, вызывая в последнем представления (Там же, с. 165). Но эти представления не отражают действительность такой, какая она есть на самом деле, поскольку «качество ощущения не есть свойство ощущаемого объекта, но видоизменение чувства в ощущающем субъекте» (Там же, с. 90). Поэтому познающий субъект имеет дело с явлениями (Там же, с. 114), что в то же время не означает отсутствие возможности получения достоверного знания о вещах: «... так называемые субъективные свойства вещей могут служить к познанию свойств объективных, несмотря на все несходство с ними» (Там же, с. 200). Таким образом, Кудрявцев, конечно, не был сторонником зеркального отражения предметов внешнего мира в нашем сознании, но все же полагал, что между предметами как таковыми и образами этих предметов в сознании — отношение более-менее точного соответствия (Кудрявцев-Платонов, 1905, с. 218).

В качестве общих форм эмпирического познания Кудрявцев указывает пространство и время. Свое учение о них философ представляет следующим образом: сначала он репрезентирует теорию пространства и времени Канта, затем высказывает к ней критические замечания и, наконец, предлагает свои рассуждения.

Кудрявцев согласен с Кантом в том, что пространство и время принадлежат познающему субъекту, то есть они субъективны, имеют априорный характер и, соответственно, характер всеобщности и необходимости, являются созерцаниями и условиями возможности опыта (Кудрявцев-Платонов, 1914в, с. 210—211, 223—224). Но принципиальное несогласие Кудрявцева с Кантом состоит в том, что последний не признает за пространством и временем объективного значения в предметах опыта, в то время как согласие действительности и априорного познания ее пространственно-временных свойств указывает на объективный характер пространства и времени (Там же, с. 236—238, 241—244). Эти рассуждения Кудрявцева очень

outside (*ibid.*, p. 83). Objects of the external world are internalised through external senses of the cognising subject, evoking representations within the latter (*ibid.*, p. 165). However, these representations do not reflect reality as it really is because “the quality of the sensation is not the quality of the sensed object, but a change of the sense in the sensing subject” (*ibid.*, p. 90). That is why the cognising subject deals with phenomena (*ibid.*, p. 114), which does not, however, mean that it is impossible to obtain authentic knowledge about things: “[...] so-called subjective properties of things may serve the cognition of objective properties in spite of being different from them” (*ibid.*, p. 200). Thus, although Kudryavtsev did not subscribe to the notion that our consciousness mirrors objects of the external world, he still believed in a more or less exact correspondence between objects as such and the images of these objects in consciousness (Kudryavtsev-Platonov, 1905, p. 218).

Kudryavtsev considers space and time to be the general forms of empirical cognition. He unfolds his teaching in the following way: first he presents Kant’s theory of space and time, then he makes critical remarks about it and finally, offers his reflections.

Kudryavtsev agrees with Kant that space and time belong to the cognising subject, i.e. they are subjective, have an *a priori* character and accordingly the character of universality and necessity, being intuitions and conditions of possible experience (Kudryavtsev-Platonov, 1914c, pp. 210-211, 223-224). But his fundamental disagreement with Kant is that the latter does not recognise space and time as having objective meanings in the objects of experience, while the concord of reality and *a priori* cognition of its spatio-temporal properties attests to the objective character of space and time (*ibid.*,

напоминают идеи Тренделенбурга, хотя русский философ здесь на него не ссылается.

Различая пространство и время как формы познания и формы ограниченного бытия, Кудрявцев объясняет разницу между ними тем, что в познании они идеальны, а в действительности они могут только приближаться к своей идеальной форме⁵, кроме того, действительные пространство и время не обладают признаком бесконечности, в отличие от идеальных (Там же, с. 244, 269–270). Что касается пространства и времени как субъективных форм, то они, имея независимое от опыта происхождение, обнаруживаются и постепенно формируются под влиянием опыта (Там же, с. 276–277). Кудрявцев ссылается в этом вопросе на Канта: «Еще Кантом справедливо замечено, что *a priori* опыта вовсе не значит — совершенно независимо от опыта, но только вместе с опытом; о пространстве и времени он прямо говорит, что если бы не действовали на нас никакие внешние впечатления, то не было бы в нас и воззрений пространства и времени...» (Там же, с. 290).

Для русского философа слабая сторона кантовской теории пространства и времени заключается в представлении форм чувственного познания только как субъективных, что противоречит обыденному и научному сознанию и вообще ведет к разрушению возможности достоверного познания (Кудрявцев-Платонов, 1914б, с. 180). При этом Кудрявцев полагает, что теория субъективного происхождения пространства и времени делает возможным предположение об их объективном значении (Кудрявцев-Платонов, 1914в, с. 236, 238).

⁵ Кудрявцев указывает, что пространство и время как формы бытия и как формы познания не являются «абсолютно тождественными», но «аналогичными», «более или менее соответственными». Понятия пространства и времени в нашем разуме обладают признаками, имеющими значение только для нашего познания. К таким признакам Кудрявцев относит рациональное и субъективное понятие бесконечности. В действительности данному понятию, согласно русскому философу, ничего не соответствует, а в нашем познании ему отвечает само познание как неограниченное пределами бытия (Кудрявцев-Платонов, 1914в, с. 269–270).

pp. 236-238, 241-244). This reasoning is very similar to Trendelenburg's ideas, although he does not cite him.

Distinguishing space and time as forms of cognition and forms of finite being, Kudryavtsev attributes the difference between them to the fact that they are ideal in cognition, but in reality can only approach their ideal form.¹⁵ Besides, real space and time do not have the property of infinity as distinct from ideal ones (*ibid.*, pp. 244, 269-270). As for space and time as subjective forms, they, having an origin independent of experience, reveal themselves and are gradually formed under the influence of experience (*ibid.*, pp. 276-277). On this point Kudryavtsev refers to Kant: "Already Kant rightly noted that experience's *a priori* does not mean that it is totally independent of experience, but is only together with experience; of space and time he says directly that if we were not exposed to some external impressions there would be no sense of space and time within us [...]" (*ibid.*, p. 290).

For the Russian philosopher a weakness of Kant's theory of space and time consists in that it presents forms of sensible cognition only as subjective, which is at odds with day-to-day and scientific consciousness and in general denies the possibility of authentic cognition (Kudryavtsev-Platonov, 1914b, p. 180). Kudryavtsev believes that the theory of the subjective origin of space and time makes it possible to posit their objective significance (Kudryavtsev-Platonov, 1914c, pp. 236, 238).

¹⁵ Kudryavtsev points out that space and time as forms of being and as forms of cognition are not "absolutely identical" but "analogous", "more or less corresponding". The concepts of space and time in our mind have properties that matter only for our cognition. Kudryavtsev considers the rational and subjective concept of infinity to be one such property. In reality this concept, according to the Russian philosopher, has no correspondence and, in our consciousness, it corresponds only to cognition itself as not being limited to being (Kudryavtsev-Platonov, 1914c, pp. 269-270).

Итак, соглашаясь почти полностью с кантовским метафизическим истолкованием пространства и времени, Кудрявцев не принимает его трансцендентального объяснения, то есть учения об их субъективном характере: «... не в слабости основных положений или посылок мы должны искать слабой стороны Кантовой теории пространства и времени, но в выводе заключения из этих посылок...» (Там же, с. 236). При этом указанные послылки из-за неверных выводов, по мнению Кудрявцева, не теряют в своей состоятельности (Там же, с. 274–275), поэтому Кудрявцев, как и Тренделенбург, стремится на основании этих посылок, то есть учения об априорности пространства и времени, предложить свою модифицированную версию теории пространства и времени, заполнив «пробелы» кантовой трансцендентальной эстетики.

Взгляд Кудрявцева на рациональное познание представлен в работе «Метафизический анализ рационального познания». Согласно русскому философу, рациональное познание происходит посредством понятий (Кудрявцев-Платонов, 1914г, с. 1). Ядро всей концепции рационального познания Кудрявцева — учение о чистых категориях рассудка⁶ (Там же, с. 40), а их источником является самосознание (Там же, с. 158). По своему происхождению категории принадлежат всецело рассудку, соответственно, имеют субъективный характер и независимы от опыта, то есть априорны, но проявляются только в опыте и по случаю опыта (Там же, с. 89).

О неэмпирическом характере категорий свидетельствуют такие их свойства, как всеобщность и необходимость (Там же, с. 99–100). При этом сами по себе категории чистого рассудка не дают никакого знания, так как «человеческое познание есть результат взаимодействия двух факторов: познающего и познава-

⁶ В своих работах Кудрявцев употребляет в качестве синонима рассудка также понятие «разум».

In sum, while accepting almost entirely the Kantian metaphysical interpretation of space and time, Kudryavtsev rejects its transcendental explanation, i.e. the teaching on their subjective character: “[...] we should see the weak side of Kantian theory of space and time not in the weakness of the core provisions or premises, but in the inference from these premises [...]” (*ibid.*, p. 236). Kudryavtsev believes that the wrong inferences do not render the premises untenable (*ibid.*, pp. 274-275), therefore Kudryavtsev, like Trendelenburg, tries to use these premises, i.e. the teaching on the *a priori* character of space and time, to propose his own modified version of the theory of space and time by filling the “gaps” in Kantian transcendental aesthetics.

Kudryavtsev spells out his view on rational cognition in his work *Metaphysical Analysis of Rational Cognition*. The Russian philosopher holds that rational cognition takes place through concepts (Kudryavtsev-Platonov, 1914d, p. 1). The core of his concept of rational cognition is the doctrine on pure categories of understanding¹⁶ (*ibid.*, p. 40), and their source is self-consciousness (*ibid.*, p. 158). In terms of origin, categories belong entirely to understanding, hence they have a subjective character and are independent from experience, i.e. *a priori*, but they manifest themselves only in experience and on the occasion of experience (*ibid.*, p. 89).

The non-empirical character of categories is evidenced by such properties as universality and necessity (*ibid.*, pp. 99-100). In themselves the categories of understanding do not deliver any knowledge since “human cognition is the result of interaction between two factors: the cogniser and the cognised, of independent activity of reason following certain laws and

¹⁶ In his works Kudryavtsev also uses the concept of “reason” as a synonym of “understanding”.

емого, самостоятельной, по известным законам совершающейся деятельности разума и воспринимаемых душой объектов, на которое (т. е. на познаваемое. — *D.P.*) простирается эта деятельность. Отсутствие одного из этих факторов сделало бы невозможным и само познание» (Там же, с. 157). Что же касается механизма взаимодействия рассудочных категорий и чувственных созерцаний, то Кудрявцев не отрицает идею Канта, согласно которой это взаимодействие совершается через форму времени. Основоположения чистого рассудка, возникающие из соединения рассудочных категорий и формы времени, являются априорными правилами, необходимо обуславливающими познание (Там же, с. 100–102).

Категории рассудка помимо субъективного характера имеют, согласно Кудрявцеву, и объективное значение, что усматривается в совпадении рационального познания с эмпирическими законами — иными словами, в согласии мысли с действительностью (Там же, с. 121–123). Кудрявцев не останавливается на признании объективного значения категорий и утверждает, что они не только формы познания, но и формы бытия, — и в этом принципиально расходится с Кантом.

В сферу приложения категорий Кудрявцев включает не только условное бытие, но и безусловное сверхчувственное бытие. «На право такого приложения, — пишет философ, — указывает уже самый характер категорических понятий как безусловно всеобщих и необходимых» (Там же, с. 171).

Не обходит Кудрявцев вниманием и трансцендентальную дедукцию категорий Канта, цель которой русский философ видит в выведении «права приложения категорий к представлениям и к эмпирическому содержанию нашего познания» (Там же, с. 106). По мнению Кудрявцева, Кант указанной цели своей дедукцией не достиг, так как не смог показать необходимый характер связи между мыслимыми

the objects perceived by the soul (i.e. the cognised — *D.R.*) which this activity embraces. Without any one of these factors cognition itself would be impossible” (*ibid.*, p. 157). As regards the mechanism of interaction between categories of understanding and sensible intuitions, Kudryavtsev does not deny Kant’s thesis whereby interaction takes place through the form of time. The principles of pure understanding arising from the fusion of categories of understanding and the form of time are *a priori* rules which condition cognition (*ibid.*, pp. 100-102).

According to Kudryavtsev, the categories of understanding, in addition to being subjective, also have objective significance, as witnessed by the correspondence of the rational cognition with empirical laws, in other words, the accord of thought with reality (*ibid.*, pp. 121-123). Kudryavtsev does not stop at recognising the objective significance of categories and maintains that they are not only forms of cognition, but also forms of being, a point on which he fundamentally diverges from Kant.

In the sphere of application of categories Kudryavtsev includes not only conditional being, but also unconditional supra-sensible being. “The validity of such application”, he writes, “is borne out already by the very character of categorial concepts as unconditionally universal and necessary” (*ibid.*, p. 171).

Kudryavtsev also pays attention to Kant’s transcendental deduction of categories, which he believes is necessary to justify “the right of applying categories to representations and to the empirical content of our cognition” (*ibid.*, p. 106). Kudryavtsev claims that Kant’s deduction fails to achieve the above goal because he fails to demonstrate the necessity of the link between the objects thought. For his own part Kudryavtsev sees only one way to achieve the goal set by Kant, and that is to recognise

предметами. Со своей стороны русский философ видит только один способ достижения поставленной Кантом цели — признать, что связь между нашими представлениями основана на действительной связи между предметами, вызывающими у нас представления. Более того, предлагаемая Кантом дедукция категорий на основании субъективного единства самосознания, по утверждению Кудрявцева, не позволяет вывести необходимый характер категорий (Там же, с. 106–107). Но здесь возникает вопрос: что тогда может служить гарантией соответствия наших познавательных форм и действительного бытия? Кудрявцев отвечает: «мы имеем право искать ее (гарантию. — Д. Р.) вне нас, в действительном согласии бытия с законами нашего мышления и, окончательно, для объяснения возможности самого этого согласия, в той высочайшей причине, которая служит первоисточником как мышления, так и бытия, — в Существое высочайшем» (Там же, с. 124–125).

Наконец, нужно упомянуть и о центральной концепции теории познания Кудрявцева — о трансцендентальном монизме. Она вырастает на почве уже указанного различения двух элементов нашего познания — объективного и субъективного (Кудрявцев-Платонов, 1914б, с. 83–84). Онтологической основой объективного элемента познания выступает бытие внешнее, чувственное, материальное, основой субъективного элемента — внутреннее, духовное, нематериальное (Там же, с. 102). Принимая во внимание проблему взаимодействия мышления и внешнего бытия, с которой неизбежно сталкивается субстанциальный дуализм, Кудрявцев не придает абсолютного характера противоположности субстанций и указывает на общий элемент, характерный для них обоих, — они представляют ограниченное, условное бытие, что выражается в формах пространства и времени. Именно пространство и время как формы познания и действительного бытия показывают связь между материальным и не-

that the link between our representations is based on the real link between the objects which cause our representations. Moreover, Kudryavtsev claims that the deduction of categories on the basis of the subjective unity of self-consciousness proposed by Kant does not permit deriving the necessary character of categories (*ibid.*, pp. 106-107). This prompts the question: What, then, can guarantee the correspondence of our cognitive forms and the real being? Kudryavtsev answers: “[...] we have the right to search for it [the guarantee — D. R.] outside of us, in the real accord of being with the laws of our thinking and, finally, to explain the possibility of such accord by the highest cause which serves as the primary source both of thought and of being, viz. the highest Being” (*ibid.*, pp. 124-125).

Finally, we should mention transcendental monism, which is central to Kudryavtsev’s theory of cognition. It emerges from the already-mentioned distinction between two elements of our cognition, the objective and the subjective (Kudryavtsev-Platonov, 1914b, pp. 83-84). The ontological basis of the objective element of cognition is external, sensible, material being and the basis of the subjective element is the internal, spiritual, non-material (*ibid.*, p. 102). Being mindful of the problem of interaction between thought and external being, which inevitably confronts substantial dualism, Kudryavtsev does not impute an absolute character to the opposition of substances and points to the common element characteristic of both: they represent limited, conditional being, as expressed in the forms of space and time. Space and time as forms of cognition and real being show the link between the material and non-material worlds and essentially explain the interaction between thought and being (*ibid.*, pp. 141-143). Kudryavtsev does not

материальным миром и, по сути, объясняют взаимодействие между мышлением и бытием (Там же, с. 141–143). На этом Кудрявцев не останавливается — он ищет иное объяснение возможности познания и находит его в Боге как объединяющем начале духовной и материальной сторон бытия (Там же, с. 185). Такое объяснение связи между двумя противоположными видами бытия придает концепции Кудрявцева супранатуралистический характер и сближает ее с концепцией предустановленной гармонии. Но Бог, согласно русскому философу, предустанавливает не случайно и не каждый конкретный акт взаимодействия нематериального и материального, а устанавливает механизм их взаимодействия, посредством форм и законов мышления и форм и законов ограниченного бытия (Кудрявцев-Платонов, 1914г, с. 124–125).

Итак, философские размышления Кудрявцева, посвященные чувственному познанию, прежде всего его формам — пространству и времени, и рациональному познанию, явно пересекаются с идеями Канта, в частности в отношении форм чувственности и чистых категорий рассудка как субъективных и априорных элементов познания. Но русский философ, соглашаясь с субъективным значением категорий, стремится обосновать и их объективный характер. При сравнении философских идей Тренделенбурга и Кудрявцева возникают по крайней мере два вопроса: во-первых, была ли критика в адрес Канта развита самим Кудрявцевым или она заимствована из других источников? И во-вторых, при каких обстоятельствах Кудрявцев познакомился с философией Канта?

3. Был ли Кудрявцев знаком с работами Канта?

Проблематичность вопроса, вынесенного в название этого подраздела, обусловлена тем, что в одной из самых ранних рукописей Кудрявцева «Из истории Новой фило-

stop there, and looks for a different explanation of the possibility of cognition — to find it in God as the uniting principle of the spiritual and material sides of being (*ibid.*, p. 185). Such an explanation of the link between the two opposite sides of being lends Kudryavtsev's concept a supra-naturalistic character and makes it similar to the concept of pre-established harmony. But God, the Russian philosopher argues, does not pre-establish accidentally and not every specific act of interaction between the non-material and the material, but establishes a mechanism of their interaction through forms and laws of thought and forms and laws of finite being (Kudryavtsev-Platonov, 1914d, pp. 124-125).

In conclusion, Kudryavtsev's philosophical reflections devoted to sensible cognition, above all its forms, i.e. space and time and rational cognition, clearly chime with Kant's ideas, in particular on the forms of sensibility and the pure categories of understanding as subjective and *a priori* elements of cognition. But Kudryavtsev, while agreeing with the subjective significance of categories, seeks to ground their objective character. A comparison of the philosophical ideas of Trendelenburg and Kudryavtsev prompts at least two questions: first, did Kudryavtsev criticise Kant on his own or was the critique borrowed from other sources? Second, under what circumstances was Kudryavtsev introduced to Kant's philosophy?

3. Was Kudryavtsev Familiar with Kant's Works?

The problematic nature of the question in the title of this section stems from the fact that in one of his early manuscripts, "From

софии (Лекц. 1858 г.) », в значительной части посвященной Канту, идеи немецкого философа пересказываются по нескольким сочинениям. Это историко-философские работы Э.Х.Г. Рейнгольда «Руководство по всеобщей истории философии для всех научно образованных людей» («Handbuch der allgemeinen Geschichte der Philosophie für alle wissenschaftlich Gebildete»), И.Э. Эрдманна «Опыт научного изложения истории современной философии» («Versuch einer wissenschaftlichen Darstellung der Geschichte der neuern Philosophie»), И.Г.К.Х. Кизеветтера «Попытка понятного изложения для непосвященных важнейших истин современной философии» («Versuch einer fasslichen Darstellung der wichtigsten Wahrheiten der neuern Philosophie für Uneingeweihte»), К. Фортлаге «Генетическая история философии со времен Канта» («Genetische Geschichte der Philosophie seit Kant») (см.: Кудрявцев-Платонов, 1858, л. 2), Ю. Шаллера «История натурфилософии от Бэкона до наших дней» («Geschichte der Naturphilosophie von Bacon bis auf unsere Zeit») и И.Г. Буле «Учебник по истории философии и критическая литература по этой теме» («Lehrbuch der Geschichte der Philosophie und einer kritischen Literatur derselben») (Там же, л. 28). Перечисленные работы Кудрявцев использовал только для изложения взглядов Канта, без критических оценок. В то же время в приложении к указанной рукописи есть отрывок с изложением взглядов Канта и элементами критики, где встречаются ссылки на «Систему логики и историю логических доктрин» («System der Logik und Geschichte der logischen Lehren») Ф. Ибервега, второй том «Истории материализма и критики его значения в наши дни» («Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart») Ф. А. Ланге (Там же, л. 97) и, чаще, на «Систему метафизики и философии религии: выведенную из естественных основополагающих условий че-

the History of Modern Philosophy" (Lectures, 1858)", much of which is devoted to Kant, Kudryavtsev renders the ideas of Kant on the basis of several studies. They include the historical-philosophical works of Ernst Christian Gottlieb Reinhold *Handbuch der allgemeinen Geschichte der Philosophie für alle wissenschaftlich Gebildete*, Johann Eduard Erdmann *Versuch einer wissenschaftlichen Darstellung der Geschichte der neuern Philosophie*, Johann Gottfried Karl Christian Kiesewetter *Versuch einer fasslichen Darstellung der wichtigsten Wahrheiten der neuern Philosophie für Uneingeweihte*, Karl Fortlage *Genetische Geschichte der Philosophie seit Kant* (see Kudryavtsev-Platonov, 1858, fol. 2), Julius Schaller *Geschichte der Naturphilosophie von Bacon bis auf unsere Zeit* and Iohann Gottlieb Buhle *Lehrbuch der Geschichte der Philosophie und einer kritischen Literatur derselben* (*ibid.*, fol. 28). Kudryavtsev used the above works only to present Kant's views without any critical remarks. At the same time the supplement to the above-mentioned manuscript has an extract setting out Kant's views with elements of critique, containing references to *System der Logik und Geschichte der logischen Lehren* by Friedrich Ueberweg volume two of *Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart* Friedrich Albert Lange (*ibid.*, fol. 97) and, more frequently, to *System der Metaphysik und Religionsphilosophie: aus den natürlichen Grundverhältnissen des menschlichen Geistes abgeleitet* Friedrich Eduard Beneke (*ibid.*, fol. 99, 102, 103).

In the manuscript Kudryavtsev also mentions Kant's main works of the critical period: *Critique of Pure Reason*, *Prolegomena*, *Metaphysical Foundations of Natural Science*, *Critique of Practical Reason*, *Critique of Judgment*, but more often than not cites the above-mentioned works of Reinhold, Erdmann and Fortlage,

ловеческого разума» («System der Metaphysik und Religionsphilosophie: aus den natürlichen Grundverhältnissen des menschlichen Geistes abgeleitet») Ф. Э. Бенеке (Там же, л. 99, 102, 103).

Кудрявцев в рукописи также упоминает главные работы Канта критического периода — «Критику чистого разума», «Пролегомены», «Метафизические основания естествознания», «Критику практического разума», «Критику способности суждения», но в основном он ссылается на указанные работы Рейнгольда, Эрдмана и Фортлаге, а местами просто переводит на русский язык выдержки из «Руководства» Рейнгольда. Доходит до того, что Кудрявцев дает цитату из «Пролегомен» Канта (Там же, л. 20), которая была заимствована не из первоисточника, а из того же «Руководства» (Reinhold, 1830, S. 30–32), только в более сокращенном виде, о чем также косвенно свидетельствует совпадение между композицией текста «Руководства» и текста рукописи. Далее Кудрявцев ссылается на работы Канта еще два раза: в первый раз он цитирует по-русски немецкое издание «Пролегомен» Канта (Кудрявцев-Платонов, 1858, л. 25), в другом месте, в приложении к рукописи, имеется запись с упоминанием мысли Канта «... ограничить знание, чтобы освободить место вере...» из 2-го предисловия «Критики чистого разума», но со ссылкой на «Систему метафизики» Бенеке (Там же, л. 99). В результате анализа рукописей можно заключить, что Кудрявцев при подготовке материалов к курсу лекций по истории философии излагал взгляды Канта преимущественно по историко-философской исследовательской литературе, а не по первоисточникам. Следует ли отсюда вывод, что Кудрявцев не был знаком с первоисточниками?

Приблизиться к ответу на поставленный вопрос позволяет анализ источников в другой рукописи Кудрявцева, хранящейся в Отделе рукописей РГБ. В нее включены тексты под названиями «Аналитика чувственного познания»,

and sometimes simply translates into Russian extracts from Reinhold's *Handbuch*. Indeed, in one place Kudryavtsev gives a quotation from Kant's *Prolegomena* (*ibid.*, fol. 20), borrowed not from the original but from the same *Handbuch* (Reinhold, 1830, pp. 30-32), only in a slightly abridged form, as witnessed indirectly by the coincidence of the composition of the text of the *Handbuch* and the text of the manuscript. Further, Kudryavtsev cites Kant's works twice more: the first time he quotes in Russian the German publication of Kant's *Prolegomena* (Kudryavtsev-Platonov, 1858, fol. 25), in another place, in the supplement to the manuscript, he quotes Kant's words "[...] to deny knowledge in order to make room for faith [...]" from the second preface to the *Critique of Pure Reason* with reference to *System der Metaphysik* Beneke (*ibid.*, fol. 99). The analysis of manuscripts suggests that in preparing materials for his course of lectures on the history of philosophy Kudryavtsev presented Kant's views, drawing mainly on historical-philosophical research literature and not on the originals. Does it follow that Kudryavtsev had not read the originals?

We can move a step further towards the answer by analysing the sources in another Kudryavtsev manuscript which is in the custody of the Manuscript Department of the Russian State Library. It includes texts entitled "Analytics of Sensible Cognition", "Analytics of Rational Cognition" and "Analytics of Intellectual Cognition" (elsewhere "Analytics of Cognition") dated 1854, 1856 and 1874 respectively. The latter shows that Kudryavtsev repeatedly edited the manuscript. Here there are references to the second German edition of the *Critique of Pure Reason* (Kudryavtsev-Platonov, 1854–1874, fol. 15) and to the 1783 German edition of *Prolegom-*

«Аналитика рассудочного познания» и «Аналитика умственного познания» (далее — «Аналитики познания»), датируемые 1854, 1856 и 1874 гг. соответственно. Последнее свидетельствует о том, что Кудрявцев рукопись неоднократно редактировал. Здесь встречаются ссылки на 2-е немецкое издание «Критики чистого разума» (Кудрявцев-Платонов, 1854–1874, л. 15) и на немецкое издание «Пролегомен» 1783 г. (Там же, л. 34–35). Обе ссылки относятся либо к 1854, либо к 1856 г., так как следуют до начала блока с пометкой Кудрявцева «Испр. в 1874 г.» (Там же, л. 38), соответственно, здесь мы имеем дело с самыми ранними фактами знакомства Кудрявцева с немецкоязычными работами Канта. Что касается контекста, в связи с которым упоминаются указанные сочинения Канта, то ссылка на «Критику чистого разума» дается по поводу известного кантовского пассажа из предисловия ко второму изданию о «скандале в философии» (В XLI; Кант, 2006, с. 43). Ссылки на «Пролегомены» приводятся в одном случае в связи с идеей Канта о том, что рассудок заимствует законы природы не из природы, а из себя самого и представлений, в другом — в связи с произвольным переводом из немецкого издания «Пролегомен» с рассуждениями Канта о постпредикатах, выведенных Аристотелем (см.: AA 04, S. 323; Кант, 1994, с. 83–84). Благодаря этим ссылкам, обнаруженным в рукописи, вероятность того, что Кудрявцев был знаком с оригинальными кантовскими текстами критического периода, стала значительно выше, хотя и ссылки могли быть заимствованы из исследовательской литературы, как указанная выше цитата Канта из «Руководства» Рейнгольда.

Таким образом, ранний Кудрявцев, обращавший пристальное внимание на философские идеи Канта и прибегавший к их критике, довольно редко ссылается на тексты самого Канта, из чего следует, что знакомство Кудрявцева в ранний период его творчества с критической философией имело преимущественно

ena (*ibid.*, fol. 34, 35). Both references are dated either 1854 or 1856, because they precede the part with Kudryavtsev's marking "Edited 1874" (*ibid.*, fol. 38), which means that we are looking at the earliest facts of Kudryavtsev's acquaintance with Kant's works in German. As for the context in which the above works by Kant are mentioned, the reference to the *Critique of Pure Reason* is made *à propos* the famous Kantian passage in the preface to the second edition about the "scandal of philosophy" (*KrV*, В XLI; Kant, 1998, p. 121). References to *Prolegomena* are made, in one case, in connection with Kant's idea that reason draws the laws of nature not from nature, but from within itself and from representations and, in the other case, in connection with a loose translation from the German edition of *Prolegomena* with Kant's remarks on post-predicates derived by Aristotle (see AA 04, p. 323; Kant, 2002, p. 115). These references, discovered in the manuscript, increase the probability that Kudryavtsev was familiar with the original Kantian texts of the critical period, although the references, too, may have been borrowed from the research literature, like the above-mentioned Kant quotation from Reinhold's *Handbuch*.

Thus, early Kudryavtsev, who paid close attention to Kant's philosophical ideas and occasionally criticised them, rarely quotes the Kant texts directly, which means that in the early period of his work his acquaintance with the critical philosophy was largely mediated. This in turn gives grounds for looking for the sources that were really key for Kudryavtsev's theory of cognition. Although the 1858 lectures suggest that these were the above-mentioned works of Reinhold, Erdmann and others, they are not focused on critique of Kant's ideas, so that they could hardly

опосредованный характер. Это, в свою очередь, дает основание для поисков ключевых для теории познания Кудрявцева источников. Хотя в лекциях 1858 г. таковыми выступают вышеуказанные работы Рейнгольда, Эрдманна и др., они не сосредоточены на критике кантовских идей, так что вряд ли могли служить основанием для той модификации кантовских идей, которая обнаруживается в теории познания Кудрявцева.

4. Особенности рецепции Кудрявцевым-Платоновым теоретико-познавательной концепции Тренделенбурга

4.1. Характер знакомства Кудрявцева с работами Тренделенбурга

Совсем иначе обстоит дело со знакомством Кудрявцева с философскими идеями Тренделенбурга и его возможном влиянии на восприятие Кудрявцевым философии Канта. Наиболее ранние свидетельства этого знакомства относятся к уже упоминавшейся рукописи Кудрявцева «Аналитики познания». Повод, по которому Кудрявцев обращается к Тренделенбургу, — учение о категориях, причем две ссылки на с. 283 1-й части 1-го издания «Логических исследований» (Кудрявцев-Платонов, 1854–1874, л. 21, 35) и одна — на с. 281 того же произведения (Там же, л. 26).

В более поздней работе «Метод философии» (1884) Кудрявцев, разбирая диалектический метод Гегеля, ссылается на «Логические исследования» Тренделенбурга (Кудрявцев-Платонов, 1905, с. 201). В сочинении «Об основных началах философского познания» Кудрявцев вновь отсылает к «Логическим исследованиям» для знакомства с разбором диалектики Гегеля Тренделенбургом (Кудрявцев-Платонов, 1914а, с. 47, 63). Значительная часть ссылок на Тренделенбурга сделана Кудрявцевым в «Метафи-

have provided grounds for the modification of Kantian ideas that we find in Kudryavtsev's theory of cognition.

4. Reception of Trendelenburg's Theoretical-Cognitive Conception by Kudryavtsev-Platonov

4.1. The Character of Kudryavtsev's Acquaintance with the Works of Trendelenburg

The issue of Kudryavtsev's acquaintance with the philosophical ideas of Trendelenburg and his possible influence on Kudryavtsev's perception of Kant's philosophy is quite a different matter. Early signs of such acquaintance go as far back as Kudryavtsev's above-mentioned manuscript "Analytics of Cognition". Kudryavtsev turned to Trendelenburg in connection with the teaching on categories, with two references to p. 283 of Part 1 of the first edition of *Logical Investigations* (Kudryavtsev-Platonov, 1854–1874, fol. 21, 35) and one to p. 281 of the same work (*ibid.*, fol. 26).

In a later work, "The Method of Philosophy" (1884), Kudryavtsev, examining Hegel's dialectical method, cites Trendelenburg's *Logical Investigations* (Kudryavtsev-Platonov, 1905, p. 201). In his work "On the Main Principles of Philosophical Cognition" Kudryavtsev again refers to *Logical Investigations* for Trendelenburg's analysis of Hegelian dialectics (Kudryavtsev-Platonov, 1914a, pp. 47, 63). A significant part of Kudryavtsev's references to Trendelenburg occurs in "Metaphysical Analysis of Rational Cognition" (1887–1888) and has to do with the structure of Kant's system of categories and the shortcomings of Hegel's dialectical method (Kudryavtsev-Platonov, 1914d, pp. 43, 110, 142-150).

зическом анализе рационального познания» (1887–1888) относительно построения кантовской системы категорий и недостатков диалектического метода Гегеля (Кудрявцев-Платонов, 1914г, с. 43, 110, 142–150).

Наконец, ссылается Кудрявцев и на 2-ю часть «Логических исследований» в отношении возможности приложения категорий к Богу. Эта ссылка для нас наиболее существенна, так как Кудрявцев здесь не только напоминает, что категории Тренделенбург выводит из понятия движения, в связи с чем категории имеют объективное значение только для мира, а не для Бога, но и указывает, почему он не согласен с немецким философом — последовательное развитие взгляда Тренделенбурга на категории «ведет к совершенному уничтожению возможности какого то ни было познания о Боге» (Кудрявцев-Платонов, 1914г, с. 170). Именно попытка русского философа сохранить аподиктичность рациональной теологии явственно обозначила точку расхождения взглядов Кудрявцева и Тренделенбурга. Таким образом, поздний Кудрявцев точно не разделял взгляд Тренделенбурга на движение как первоначало бытия и мышления, что несколько отдаляет обоих мыслителей друг от друга в области теории познания. Но так ли обстоит дело с Кудрявцевым в ранние годы его философского пути?

Прояснить характер знакомства Кудрявцева в 1850-е гг. с философскими идеями Тренделенбурга позволяет анализ вводной части рукописи «Аналитики познаний», относящейся к 1854–1856 гг.

О Канте заходит речь уже на 2-м листе, где Кудрявцев рассматривает субъективный идеализм, представителем которого он считает Канта. В очень сжатой форме, напоминающей больше тезисы для памяти или краткий конспект лекции, нежели связный текст, русский философ обозначает суть субъективного идеализма и его недостатки. В недостатках Кудрявцев отмечает именно то, что наиболее важ-

Finally, Kudryavtsev cites Volume 2 of *Logical Investigations* in connection with the possibility of applying categories to God. For us, this is the most important reference since Kudryavtsev does not only recall that Trendelenburg draws categories from the concept of motion, so that categories have objective meaning only for the world and not for God, but also states why he disagrees with the German philosopher: consistent development of Trendelenburg's view on categories "totally destroys the possibility of any knowledge about God" (Kudryavtsev-Platonov, 1914d, p. 170). It was the Russian philosopher's attempt to preserve the apodicticity of rational theology that marked the point of divergence of the views of Kudryavtsev and Trendelenburg. Thus, the later Kudryavtsev clearly did not share Trendelenburg's view of the primacy of motion with regard to being and thought, which does not by any means distance the two thinkers from each other in the area of the theory of cognition. But was this the way matters stood with Kudryavtsev in the early years of his philosophical journey?

Analysis of the introductory part of the manuscript "Analytics of Cognition" (1854–1856) sheds light on the character of Kudryavtsev's acquaintance with Trendelenburg's philosophical ideas in the 1850s.

Kant crops up already on folio 2 where Kudryavtsev writes about subjective idealism of which he believes Kant to be a representative. In a very crisp form that looks more like jottings for memory-support or a summary of a lecture than a coherent text, the Russian philosopher describes the essence of subjective idealism and its shortcomings. Among the shortcomings Kudryavtsev notes precisely what is most important for this article: "the fallacy of Kant's conclusion that the subjective element in our cognition does not correspond to reality" (Kudryavtsev-Platonov, 1854–1874, fol. 2).

но для данной статьи: «... неверность заключения Канта о несоответствии субъективного элемента в нашем познании — действительности»⁷ (Кудрявцев-Платонов, 1854—1874, л. 2).

Следующее интересующее нас упоминание о Канте Кудрявцев делает в отношении пространства и времени как субъективных форм чувственного познания (Там же, л. 3). Здесь Кудрявцев кратко передает суть кантовой концепции пространства и времени, а также предлагает свои замечания: «Неверность заключения о субъективном только значении пространства и времени... Заключение о предполагаемом Кантом значении его теории для Метафизики и математики» (Там же, л. 4). Далее следует наиболее важный пассаж:

Пространство и время как формы чувственного бытия и ограниченного познания. Взаимная связь пространства и времени и попытка найти общее начало их. Такое начало есть понятие движения. Движение, как характер времени; движение в пространстве: внешнем, интеллектуальном и абсолютном; замена понятия движение, понятием изменение. Изменяемость, как форма ограниченного бытия и начало пространства и времени. Примирение реального и субъективного взгляда на пространство и время в понятии о них... Пространство и время как формы не только бытия, но и познания. Закон изменяемости есть всеобщий закон как субъективного, так и объективного бытия. Изменяемость как закон психической жизни; движение, как общий закон бытия природы. Независимость от внешнего опыта происхождения форм пространства и времени в нашем познании (Там же).

Кудрявцев, как и в более поздних печатных работах, признает за пространством и временем как субъективный, так и объективный характер, то есть считает их формами познания и одновременно формами ограниченного бы-

⁷ Пунктуация и подчеркивания здесь и далее передаются в соответствии с рукописью. Сокращения раскрыты по умолчанию.

Kudryavtsev's next reference to Kant that interests us has to do with space and time as subjective forms of sensible cognition (*ibid.*, fol. 3). Here Kudryavtsev describes in a nutshell the Kantian concept of space and time and makes his remarks: "The fallacy of the inference about the solely subjective significance of space and time [...]. Kant's conclusion about the significance of his theory for metaphysics and mathematics" (*ibid.*, fol. 4). The most important passage follows immediately:

Space and time as forms of sensible being and limited cognition.¹⁷ Interconnection of space and time and attempt to find their common origin. The origin is the concept of motion. Motion as the character of time; motion in space; eternal, intellectual and absolute; Replacement of the concept ["motion"] with the concept ["change"]. Changeability as the form of limited being and the beginning of space and time. Reconciliation of the real and subjective view on space and time in the conception thereof [...]. Space and time as forms not only of being, but of cognition. The law of changeability is a universal law both of the subjective and objective being. Changeability as the law of mental life; motion as the universal law of the being of nature. Independence of the origin of the forms of space and time in our consciousness from external experience (*ibid.*).

As in his later published works, Kudryavtsev considers space and time to be both subjective and objective in character, i.e. sees them as forms of cognition and simultaneously as forms of finite being. Most importantly, he points to motion as the single common principle for both forms of space and time. This idea is the key concept of Trendelenburg's theory of cognition. It is remarkable that Kudryavtsev does not cite Trendelenburg here or elsewhere although,

¹⁷ Underscoring here and elsewhere correspond to the manuscript. — D. R.

тия. Но самое главное — то, что Кудрявцев указывает для обоих видов форм пространства и времени единое общее начало — движение. А эта мысль — ключевая концепция теории познания Тренделенбурга. Удивительно, что Кудрявцев ни здесь, ни в другом месте не сослался на Тренделенбурга, хотя ко времени написания этой работы, к середине 1850-х гг., уже был знаком с его «Логическими исследованиями». Если говорить о понятии «изменение», то очень вероятно, что Кудрявцев здесь имеет в виду понятие Тренделенбурга *die Veränderung* (изменение), использованное последним в главе «Die Bewegung» («Движение») (Trendelenburg, 1840, S. 119). Во втором издании Тренделенбург использует то же понятие (Trendelenburg, 1862, S. 151), а в русском переводе «Логических исследований», выполненном по изданию 1862 г., Е. Корш перевел данное понятие как «перемена», а в другом месте — как «переинаечение» (Тренделенбург, 1868а, с. 137).

На 5-м листе рукописи Кудрявцев предлагает тезисно разбор учений о категориях Канта и Гегеля и их критику, но здесь русский философ уже ничего не пишет про категорию движения в отношении рассудочных категорий, хотя указывает на их не только субъективный, но и объективный характер (Кудрявцев-Платонов, 1854–1874, л. 5).

Содержание «Аналитик познания» показывает, что Кудрявцев знал о концепции движения Тренделенбурга, но упоминает он о ней только применительно к пространству и времени. Вероятно, во время работы над своим текстом русский философ уже осознавал последствия от выведения категорий из движения как первоначала, о чем он впоследствии напишет в «Метафизическом анализе рационального познания». Тем не менее обнаруженное в рукописи высказывание Кудрявцева о движении как общем начале для пространства и времени является аргументом в пользу того, что генезис гносеологических идей Кудрявцева, и в

by the time the work was written, in the mid-1850s, he was already familiar with his *Logical Investigations*. Speaking about the concept of “change” it is highly likely that Kudryavtsev has in mind Trendelenburg’s *die Veränderung* (change) used by the latter in the chapter “*Die Bewegung*” (“Motion”) (Trendelenburg, 1840, p. 119). In the second edition Trendelenburg (1862a, p. 151) uses the same concept.

On folio 5 of the manuscript Kudryavtsev gives an overview of Kant’s and Hegel’s doctrines of categories, but says nothing about the category of motion in relation to the categories of understanding, while pointing to their objective as well as subjective character (Kudryavtsev-Platonov, 1854–1874, fol. 5).

The content of “Analytics of Cognition” shows that Kudryavtsev was aware of Trendelenburg’s concept of motion, but mentioned it only in relation to space and time. Apparently, when working on this text, the Russian philosopher was already conscious of the consequences of drawing categories from motion as the first principle, something he would later write about in “Metaphysical Analysis of Rational Cognition”. Even so, Kudryavtsev’s statement about motion being the common principle of space and time, discovered in the manuscript, suggests that Kudryavtsev’s epistemological ideas, in particular the views on Kant’s theory of cognition, hark back, among other things, to the ideas of Trendelenburg. At the same time, it is unclear from the manuscript to what extent the theses on space, time and motion are relevant to Trendelenburg’s concept of motion.

The conclusion that Kudryavtsev was well aware of Trendelenburg’s ideas is borne out not only by Kudryavtsev’s references to Trendelenburg, but also by obvious coincidences of the two philosophers’ views.

частности взглядов на теорию познания Канта, восходит среди прочего к философским идеям Тренделенбурга. В то же время из рассмотренной рукописи остается неясным, насколько высказанные тезисы о пространстве, времени и движении релевантны самой концепции движения у Тренделенбурга.

Вывод о том, что Кудрявцев был хорошо знаком с идеями Тренделенбурга, можно сделать на основании не только ссылок Кудрявцева на Тренделенбурга, но и явных совпадений во взглядах обоих философов.

4.2. Насколько близки взгляды Тренделенбурга и Кудрявцева?

При сопоставлении гносеологических установок Тренделенбурга и Кудрявцева можно выделить следующие общие идеи: 1) оба философа осуществляют поиск единого основания для бытия и мышления, которые в плане происхождения равнозначны; 2) в области теории познания Тренделенбург, как и Кудрявцев, обнаруживает объективную и субъективную составляющие, под последней имеются в виду априорные формы познания — пространство, время и категории, которые являются не только субъективными формами мышления, но и в то же время объективными формами ограниченного, или конечного, бытия; 3) пространство, время и категории как априорные формы имеют неопытное происхождение, но проявляются всегда в опыте и по поводу опыта как субъективные формы — они всегда привносятся в процесс познания познающим субъектом и, в отличие от реальных пространства, времени и категорий, они идеальны; 4) для обоих важна неразрывная связь дискурсивного способа познания и чувственных созерцаний.

Помимо общности некоторых аспектов относительно философских установок, между Тренделенбургом и Кудрявцевым есть совпадения в критике кантовского трансценденталь-

4.2. How Close were the Views of Trendelenburg and Kudryavtsev?

A comparison of the epistemological ideas of Trendelenburg and Kudryavtsev reveals the following common theses: 1) both philosophers look for a single ground of being and thought which are equivalent in terms of origin; 2) in the theory of cognition Trendelenburg, like Kudryavtsev, find the objective and subjective components, the latter meaning *a priori* forms of cognition, i.e. space, time and the categories which are not only subjective forms of thought, but simultaneously objective forms of limited, or finite, being; 3) space, time and categories as *a priori* forms have a non-experiential origin, but always manifest themselves in experience and in connection with experience as subjective forms; they are always introduced into the process of cognition by the cognising subject and, unlike the real space, time and categories, they are ideal; 4) for both the inseparable link between the discursive method of cognition and sensible intuitions is essential.

In addition to some common aspects in philosophical principles, Trendelenburg and Kudryavtsev concur in some criticisms of Kantian transcendental idealism. Both philosophers also ask the question why Kant refused to grant *a priori* forms of cognition not only subjective but also objective meaning. Likewise, both philosophers are critical of the transcendental deduction of categories. Thus, Kudryavtsev's theory of cognition, set forth in the works of the 1880s, does indeed have ideas, including critique, that are close to Trendelenburg's views spelled out in *Logical Investigations*. Still, this is not a sufficient reason to claim that Kudryavtsev has poached some theoretical epistemological ideas from Trendelenburg, all the more so since the former cites the latter sparingly.

ного идеализма. Оба философа, помимо прочего, задаются вопросом, почему Кант отказался придать априорным формам познания не только субъективное, но и объективное значение, также оба критикуют трансцендентальную дедукцию категорий. Таким образом, в теории познания Кудрявцева, представленной в работах 1880-х гг., действительно обнаруживаются идеи, в том числе и критика, близкие к взглядам Тренделенбурга из «Логических исследований». Тем не менее этого все еще недостаточно для того, чтобы утверждать о заимствовании Кудрявцевым теоретико-познавательных идей Тренделенбурга, тем более что первый не так уж часто ссылается на сочинения последнего.

Заключение

Итак, в статье было показано, во-первых, что Кудрявцев в ранний период своей преподавательской деятельности редко ссылается на кантовские тексты, но преимущественно пересказывает их по немецкой историко-философской литературе, что было выявлено благодаря анализу рукописи Кудрявцева «Из истории Новой философии (Лекции 1858 г.)». Во-вторых, Кудрявцев неоднократно отсылает своего читателя к «Логическим исследованиям» Тренделенбурга при изложении своего учения о рассудочных категориях, а также демонстрирует знакомство с ключевой идеей Тренделенбурга — концепцией движения, о чем свидетельствует ранняя рукопись Кудрявцева, посвященная анализу трех видов познания. Наконец, в-третьих, гносеологические взгляды Кудрявцева и Тренделенбурга обнаруживают между собой значительные сходства. Представленные результаты в совокупности говорят в пользу того, что Кант с большей вероятностью мог быть прочитан Кудрявцевым через философскую оптику Тренделенбурга. В то же время этих аргументов едва ли достаточно для того, чтобы утверждать исключительную роль теории познания

Conclusion

To sum up, this article shows, first, that Kudryavtsev in the early period of his teaching activities seldom refers to Kantian texts, but mostly presents them on the basis of German historical-philosophical literature, a fact that I have revealed by analysing Kudryavtsev's manuscript "From the History of Modern Philosophy (Lectures 1858)". Secondly, Kudryavtsev repeatedly mentions Trendelenburg's *Logical Investigations* in presenting his teaching about the categories of understanding and demonstrates his awareness of Trendelenburg's key idea of motion, as witnessed by Kudryavtsev's early manuscript devoted to the analysis of three types of cognition. Thirdly and lastly, the epistemological views of Kudryavtsev and Trendelenburg reveal many similarities. The aggregate results presented here suggest that Kudryavtsev probably had read Kant through Trendelenburg's philosophical optics. However, these arguments are hardly sufficient to justify claims of an exceptional role of Trendelenburg's theory of cognition in the genesis of Kudryavtsev's teaching on cognition, and concerning the Russian thinker's acquaintance with Kant's ideas and critique. They are, however, sufficient grounds for taking Trendelenburg into account when reading Kudryavtsev's epistemological works.

Acknowledgements. This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation grant no. 075-15-2019-1929, project "Kantian Rationality and Its Impact in Contemporary Science, Technology, and Social Institutions" provided at the Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad.

Тренделенбурга в генезисе учения о познании Кудрявцева, так же как и в отношении знакомства русского мыслителя с идеями и критикой Канта. Тем не менее их достаточно, чтобы делать поправку на Тренделенбурга при прочтении гносеологических работ Кудрявцева.

Благодарности. Данная публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № 075-15-2019-1929 «Кантианская рациональность и ее потенциал в современной науке, технологиях и социальных институтах», реализуемый на базе Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград).

Список литературы

Абрамов А. И. Кант в русской духовно-академической философии // Кант и философия в России. М. : Наука, 1994. С. 81–113.

Белов В. Н., Тетюев Л. И. Рец. на кн.: Тренделенбург А. Элементы логики Аристотеля // Кантовский сборник. 2017. Т. 36, № 2. С. 96–99. doi: 10.5922/0207-6918-2017-2-8.

Введенский А-й И. О характере, составе и значении философии В. Д. Кудрявцева-Платонова // Кудрявцев-Платонов В. Д. Соч. : в 3 т. Сергиев Посад : Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1905. Т. 1, вып. 1. С. 57–125.

Демин М. Р. Право на Канта: к спору Адольфа Тренделенбурга и Куно Фишера // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 66–84.

Демин М. Р. «Элементы логики Аристотеля»: между школьной дисциплиной и университетской наукой. Вступительная статья // Тренделенбург А. Элементы логики Аристотеля / пер. с др.-греч., лат. и нем. Б. А. Фохта, А. Г. Вашестова ; публ. и вступ. ст. М. Р. Демина ; под общ. ред. Н. А. Дмитриевой. М. : Канон+, 2017. С. 7–87.

Длугач Т. Б. Проблема бытия в немецкой философии и современность. М. : ИФ РАН, 2002.

Длугач Т. Б. Проблема бытия: Кант и Хайдеггер // Кантовский сборник. 2022. Т. 41, № 3. С. 42–75. doi: 10.5922/0207-6918-2022-3-2.

References

Abramov, A. I., 1994. Kant in Russian Spiritual-Academic Philosophy. In: Z. A. Kamensky and V. A. Zhuchkov, eds. 1994. *Kant i filosofia v Rossii* [Kant and Philosophy in Russia]. Moscow: Nauka, pp. 81-113. (In Rus.)

Beiser, F., 2013. *Late German Idealism: Trendelenburg and Lotze*. Oxford: Oxford University Press.

Belov, V. N., Tetyuev, L. I., 2017. Book Review: Trendelenburg A. Elements of Aristotle's Logic. *Kantian Journal*, 2(36), pp. 96-99. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2017-2-8>. (In Rus.)

Bird, G., 2006. The Neglected Alternative: Trendelenburg, Fischer, and Kant. In: G. Bird. ed., 2006. *A Companion to Kant*. Oxford: Wiley-Blackwell, pp. 486-499.

Demin, M. R., 2010. The Right to Kant: To the Dispute between Adolf Trendelenburg and Kuno Fischer. In: I. N. Grifcova and N. A. Dmitrieva, eds. 2010. *Neokantianstvo nemeckoe i russkoe: mezhdru teoriej poznaniya i kritikoj kul'tury* [German and Russian Neo-Kantianism: Between the Epistemology and the Criticism of Culture]. Moscow: ROSSPEN, pp. 66-84. (In Rus.)

Demin, M. R., 2017. "Outline of Logic": Between School Discipline and University Science. Introductory Article. In: [F.] A. Trendelenburg. *Elementy logiki Aristotelya* [Outline of Logic]. Edited by M. R. Demin and N. A. Dmitrieva. Moscow: Kanon+, pp. 7-87. (In Rus.)

Dlugach, T. B., 2002, *Problema bytiya v nemeckoj filosofii i sovremennost'* [The Problem of Being in German Philosophy and Modernity]. Moscow: RAS Institute of Philosophy. (In Rus.)

Dlugach, T. B., 2022. The Problem of Being: Kant and Heidegger. *Kantian Journal*, 41(3), pp. 42-75. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2022-3-2>.

Dmitrieva, N. A., 2007. *Russkoe neokantianstvo: "Marburg" v Rossii. Istoriko-filosofskie ocherki* [Russian Neo-Kantianism: 'Marburg' in Russia. Historical and Philosophical Essays]. Moscow: ROSSPEN. (In Rus.)

Kabanova, M. L., 2006. *Religioznaya metafizika V. D. Kudryavtseva-Platonova* [Religious metaphysics by V. D. Kudryavtsev-Platonov]. Abstract of Dissertation. Blagoveshchensk: s. n. (In Rus.)

Kant, I., 2002. Prolegomena to Any Future Metaphysics That Will Be Able to Come Forward as Science. In: H. Allison and P. Heath, eds., 2002. *Theoretical Philosophy after 1781*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 49-169.

Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М. : РОССПЭН, 2007.

Зеньковский В. В. История русской философии. М. : Академический проект ; Раритет, 2001.

Кабанова М. Л. Религиозная метафизика В. Д. Кудрявцева-Платонова : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Благовещенск, 2006.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 4. С. 5–152.

Кант И. Критика чистого разума. 2-е изд. (В) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Коновалова Е. Н. Иммануил Кант и развитие идеи субъективности в русской духовно-академической философии // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2010. № 2 (50). С. 58–64.

Кудрявцев-Платонов В. Д. Аналитика чувственно-го познания. Аналитика рассудочного познания. Аналитика умственного познания. Курс лекций 1854, 1856, 1874 гг. [1854–1874] // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 824. Картон 4. Ед. хр. 3.

Кудрявцев-Платонов В. Д. Из истории Новой философии. Лекции 1858 г. [1858] // ОР РГБ. Ф. 823. Картон 4. Ед. хр. 7.

Кудрявцев-Платонов В. Д. Метод философии // Соч. : в 3 т. Сергиев Посад : Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1905. Т. 1, вып. 1. С. 195–241.

Кудрявцев-Платонов В. Д. Об основных началах философского познания // Соч. : в 3 т. Сергиев Посад : Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1914а. Т. 1, вып. 2. С. 1–66.

Кудрявцев-Платонов В. Д. Метафизический анализ эмпирического познания // Соч. : в 3 т. Сергиев Посад : Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1914б. Т. 1, вып. 2. С. 67–209.

Кудрявцев-Платонов В. Д. Пространство и время // Соч. : в 3 т. Сергиев Посад : Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1914в. Т. 1, вып. 2. С. 210–310.

Кудрявцев-Платонов В. Д. Метафизический анализ рационального познания // Соч. : в 3 т. Сергиев Посад : Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1914г. Т. 1, вып. 3. С. 1–174.

Рожин Д. О. Критическое восприятие В. Д. Кудрявцевым-Платоновым учения о категориях и основоположениях чистого рассудка И. Канта // Философская мысль. 2021а. № 5. С. 1–18.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by P. Guyer and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kanterian, E., 2013. The Ideality of Space and Time: Trendelenburg versus Kant, Fischer and Bird. *Kantian Review*, 18(2), pp. 263–288. <https://doi.org/10.1017/s1369415413000022>.

Köhnke, K. C., 1991. *The Rise of Neo-Kantianism: German Academic Philosophy between Idealism and Positivism*. Cambridge: Cambridge University Press.

Konovalova, E. N., 2010. Immanuel Kant and the Development of the Idea of Subjectivity in Russian Ecclesiastical-Academic Philosophy. *Vestnik of Astrakhan State Technical University*. 2(50), pp. 58–64. (In Rus.)

Kudryavtsev-Platonov, V. D., 1854–1874. *Analitika chuvstvennogo pozvaniya. Analitika rassudochnogo pozvaniya. Analitika umstvennogo pozvaniya. Kurs lekcij 1854, 1856, 1874 gg.* [The Analysis of Sensual Cognition. The Analysis of Rational Cognition. The Analysis of Mental Cognition. A Course of Lectures in 1854, 1856, 1874]. In: Russian State Library, Manuscript Department. F. 824, B. 4, № 3. (In Rus.)

Kudryavtsev-Platonov, V. D., 1858. *Iz istorii Novoj filosofii. Lekcii 1858 g.* [From the History of the New Philosophy. Lectures of 1858]. In: Russian State Library, Manuscript Department. F. 823, B. 4, № 7. (In Rus.)

Kudryavtsev-Platonov, V. D., 1905. Method of Philosophy. In: V. D. Kudryavtsev-Platonov, 1905. *Sochineniya [Works] in 3 Volumes. Volume 1, part 1*. Sergiev Posad: Tip. Sv.-Tr. Sergievoj Lavry, pp. 195–241. (In Rus.)

Kudryavtsev-Platonov, V. D., 1914a. On the Basic Principles of Philosophical Cognition. In: V. D. Kudryavtsev-Platonov, 1914. *Sochineniya [Works] in 3 Volumes. Volume 1, part 2*. Sergiev Posad: Tip. Sv.-Tr. Sergievoj Lavry, pp. 1–66. (In Rus.)

Kudryavtsev-Platonov, V. D., 1914b. Metaphysical Analysis of Empirical Cognition. In: V. D. Kudryavtsev-Platonov, 1914. *Sochineniya [Works] in 3 Volumes. Vol. 1, part 2*. Sergiev Posad: Tip. Sv.-Tr. Sergievoj Lavry, pp. 67–209. (In Rus.)

Kudryavtsev-Platonov, V. D., 1914c. Space and Time. In: V. D. Kudryavtsev-Platonov, 1914. *Sochineniya [Works] in 3 Volumes. Volume 1, part 2*. Sergiev Posad: Tip. Sv.-Tr. Sergievoj Lavry, pp. 210–310. (In Rus.)

Kudryavtsev-Platonov, V. D., 1914d. Metaphysical Analysis of Rational Cognition. In: V. D. Kudryavtsev-Platonov, 1914. *Sochineniya [Works] in 3 Volumes. Volume 1, part 3*. Sergiev Posad: Tip. Sv.-Tr. Sergievoj Lavry, pp. 1–174. (In Rus.)

Рожин Д. О. Рецепция и критика теории пространства и времени И. Канта в философии В.Д. Кудрявцева-Платонова // *Философская мысль*. 2021б. № 6. С. 42–53.

Рожин Д. О. Рецепция гносеологических идей И. Канта в метафизике Ф.А. Голубинского // *Кантовский сборник*. 2021в. Т. 40, № 1. С. 97–123. doi: 10.5922/0207-6918-2021-1-3.

Систематический каталог книг библиотеки Московской духовной академии / сост. Е. Троицкий. М. : Тип. М. Г. Волчанинова. 1890. Т. 3 : Богословие и философия. Вып. 6 : Философия.

Соболева М. Е. Аналитическое кантоведение, трансцендентальный идеализм и вещь в себе // *Кантовский сборник*. 2017. Т. 36, № 4. С. 88–99. doi: 10.5922/0207-6918-2017-4-6.

Трендленбург Ф. А. Логические исследования : в 2 ч. / пер. с нем. Е. Корша. М. : Тип. Грачева и Ко., 1868а. Ч. 1.

Трендленбург Ф. А. Логические исследования : в 2 ч. / пер. с нем. Е. Корша. М. : Тип. Грачева и Ко., 1868б. Ч. 2.

Трендленбург А. Элементы логики Аристотеля / пер. с др.-греч., лат. и нем. Б. А. Фохта, А. Г. Вашестова ; публ. и вступ. ст. М. Р. Демина ; под общ. ред. Н. А. Дмитриевой. М. : Канон+, 2017.

Цвык И. В. Религиозно-философская система В. Д. Кудрявцева-Платонова : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1995.

Beiser F. *Late German Idealism: Trendelenburg and Lotze*. Oxford : Oxford University Press, 2013.

Bird G. *The Neglected Alternative: Trendelenburg, Fischer, and Kant* // *A Companion to Kant* / ed. by G. Bird. Oxford : Wiley-Blackwell, 2006. P. 486–499.

Kanterian E. *The Ideality of Space and Time: Trendelenburg versus Kant, Fischer and Bird* // *Kantian Review*. 2013. Vol. 18, № 2. P. 263–288. doi: 10.1017/S1369415413000022.

Köhnke K. C. *The Rise of Neo-Kantianism: German Academic Philosophy between Idealism and Positivism*. Cambridge : Cambridge University Press, 1991.

Reinhold E. *Handbuch der allgemeinen Geschichte der Philosophie für alle wissenschaftlich Gebildete*. Gotha : In der Hennings'schen Buchhandlung, 1830. Bd. 3, Th. II/2.

Specht A. *F. A. Trendelenburg and the Neglected Alternative* // *British Journal for the History of Philosophy*. 2014. Vol. 22, № 3. P. 514–534. doi: 10.1080/09608788.2014.928260.

Reinhold, E., 1830. *Handbuch der allgemeinen Geschichte der Philosophie für alle wissenschaftlich Gebildete*. Volume 3, Part II/2. Gotha: In der Hennings'schen Buchhandlung.

Rozhin, D. O., 2021a. *Critical Perception of V. D. Kudryavtsev-Platonov of the Doctrine on the Categories and Fundamentals of I. Kant's Pure Reason*. *Philosophical Thought*, 5, pp. 1-18. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2021.5.35346>. (In Rus.)

Rozhin, D. O., 2021b. *Reception and Criticism of I. Kant's Theory of Space and Time in the Philosophy of V. D. Kudryavtsev-Platonov*. *Philosophical Thought*, 6, pp. 42-53. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2021.6.35381>. (In Rus.)

Rozhin, D. O., 2021c. *Reception of Kant's Epistemological Ideas in Fyodor Golubinsky's Metaphysics*. *Kantian Journal*, 40(1), pp. 97-123. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2021-1-3>.

Soboleva, M. E., 2017. *Analytical Kant Studies, Transcendental Idealism, and the Thing in Itself*. *Kantian Journal*, 36(4), pp. 88-99. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2017-4-6>. (In Rus.)

Specht, A., 2014. *F. A. Trendelenburg and the Neglected Alternative*. *British Journal for the History of Philosophy*, 22(3), pp. 514-534. <https://doi.org/10.1080/09608788.2014.928260>.

Trendelenburg, F. A., 1840. *Logische Untersuchungen. Volume 1*. Berlin: bei Gustav Bethge.

Trendelenburg, F. A., 1862a. *Logische Untersuchungen. Second Edition. Volume 1*. Leipzig: S. Hirzel.

Trendelenburg, F. A., 1862b. *Logische Untersuchungen. Second Edition. Volume 2*. Leipzig: S. Hirzel.

Trendelenburg, F. A., 1867. *Ueber eine Lücke in Kants Beweis von der ausschliessenden Subjectivität des Raumes und der Zeit*. In: F. A. Trendelenburg, 1867. *Historische Beiträge zur Philosophie. Volume 3*. Berlin: G. Bethge, pp. 215-276.

Trendelenburg, F. A., 1870. *Logische Untersuchungen. Third Edition. Volume 1*. Leipzig: S. Hirzel.

Trendelenburg, [F.] A., 2017. *Elementy logiki Aristotelya [Outline of Logic]*. Translated by B. A. Fogt and A. G. Vashestov, edited by M. R. Demin and N. A. Dmitrieva. Moscow: Kanon+. (In Rus.)

Trendelenburg F.A. Logische Untersuchungen. 1. vermehrte Aufl. Berlin : bei Gustav Bethge, 1840. Bd. 1.

Trendelenburg F.A. Logische Untersuchungen. 2. vermehrte Aufl. Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1862. Bd. 1.

Trendelenburg F.A. Ueber eine Lücke in Kants Beweis von der ausschliessenden Subjectivität des Raumes und der Zeit // Trendelenburg F.A. Historische Beiträge zur Philosophie. Berlin : G. Bethge, 1867. Bd. 3. S. 215–276.

Trendelenburg F.A. Logische Untersuchungen. 3. vermehrte Aufl. Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1870. Bd. 1.

Об авторе

Давид Олегович Рожин, кандидат философских наук, лаборатория «Кантианская рациональность», Академия Кантиана, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: DRozhin1@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4877-2598>

Для цитирования:

Рожин Д. О. Между Кантом и Тренделенбургом: к вопросу о генеалогии теории познания Кудрявцева-Платонова // Кантовский сборник. 2023. Т. 42, № 4. С. 35–68.

doi: 10.5922/0207-6918-2023-4-3

© Рожин Д. О., 2023.

Troitsky, E., ed. 1890. *Sistematicheskij katalog knig biblioteki Moskovskoj duhovnoj akademii* [Systematic Catalog of Books in the Library of the Moscow Theological Academy]. Volume 3, part 6. Moscow: Tip. M. G. Volchaninova. (In Rus.)

Tsvyk, I. V., 1995. *Religiozno-filosofskaya sistema V. D. Kudryavtseva-Platonova* [The Religious and Philosophical System of V. D. Kudryavtsev-Platonov]. Abstract of Dissertation. Moscow: s. n. (In Rus.)

Vvedensky, Aleksey I., 1905. On the Nature, Content and Significance of the Philosophy of V. D. Kudryavtsev-Platonov. In: *Kudryavtsev-Platonov V. D. Sochineniya v 3 tomakh* [Works in 3 Volumes]. Volume 1, part 1. Sergiev Posad: Tip. Sv.-Tr. Sergievoj Lavry, pp. 57-125 (In Rus.)

Zenkovsky, V. V., 2001. *Istoriya russkoj filosofii* [The History of Russian Philosophy]. Moscow: Akademicheskij proekt, Raritet. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Dr David O. Rozhin, Kantian Rationality Lab, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad, Russia.

E-mail: DRozhin1@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4877-2598>

To cite this article:

Rozhin, D. O., 2023. Between Kant and Trendelenburg: On the Genealogy of Kudryavtsev-Platonov's Theory of Cognition. *Kantian Journal*, 42(4), pp. 35-68.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2023-4-3>

© Rozhin D. O., 2023.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))